

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
эригерцог

Завоевание Гандерсейма неминуемо. Не варвары — не главные противники. Гораздо опаснее — Маги, что в прошлые разы полностью стирали с лица земли вторгшиеся войска королевства.

Кто сказал, что они впустят безжалостные крестоносцев, истребляющие даже намек на магию?

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки – эрцгерцог

Серия «Ричард Длинные Руки», книга 27

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440215

Ричард Длинные Руки – эрцгерцог: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45922-3

Аннотация

Завоевание Гандерсгейма неминуемо, но степные варвары – не главные противники. Гораздо опаснее Великие Маги, что в прошлые разы полностью стирали с лица земли вторгшиеся войска королевства.

Кто сказал, что они впустят безжалостных крестоносцев, истребляющих даже намеки на магию?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	55
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	94
Глава 8	108
Глава 9	118
Глава 10	128
Глава 11	144
Глава 12	154
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – эрцгерцог

Бог выше всякой добродетели, и не добродетелью определяется его достоинство, потому что в таком случае добродетель будет выше Бога.

Часть первая

Глава 1

Есть так называемое «остроумие на лестнице», это когда задним умом крепок, а есть тряска после случившегося, типа «господи, что я наделал». По настоящему меня тряхнуло только по дороге к Альтенбаумбургу. Пришлось даже остановиться и дожидаться, когда перестану дергаться, как паяц на веревочках.

Пес подпрыгивал и старался лизнуть в лицо, но Зайчик ловко отступал, ревнуя к хозяину.

Я наконец сказал дрожащим голосом:

– Ну хорошо, хорошо... Я, типа, самоотверженный ге-

рой... надо же... Готов был, жертвенность, во имя, и все такое. Молодец. Только никому не рассказывай, не поверят. Да и сам как дурак...

Зайчик снова пошел ровно и царственно, помнит, кого везет. Я смятенно думал, что вообще-то в мой смертный час из меня должно бы полезть все говно, что таит в себе человек. Тем более, такой, как я, но такое вот странное свойство существ того мира, откуда я прибыл: как раз говно сверху – защитный панцирь, а все светлое забито, затоптано и загнано глубоко-глубоко, чтоб не позориться перед другими, крутыми и циничными. Быть благородным совсем не модно, даже позорно, надо говорить с гордостью: вот такое я говно! И быть, понятно, говном, чтобы везде быть своим...

Со стены крепости сбежал рыцарь, как мне показалось, только они здесь в полных доспехах, но через поднятое забрало я увидел обветренное лицо Паньоля.

Он сам перехватил повод моего коня. Лицо его дрогнуло, когда наши взгляды встретились.

– Ваша светлость...

– Все закончено, – произнес я мертвым голосом. – И не повторится. Можешь вернуться к кольчуге... если хочешь, понятно.

Он неумело улыбнулся.

– Да, конечно. Кто же в здравом уме таскает столько железа! Но когда лорды Гатор и Стерлинг сказали, что вы исчезли... намекнув, что отправляетесь к Воротам Ада, я на

всякий случай поднял всех на ноги и вооружил до зубов.

К нам сбегались воины, жадно ловили каждое слово. Один сказал преданно:

– Вдруг бы за вами погоня!

– Врата разрушены, – ответил я устало. – Кто-то из нас туда попадет после грешной жизни, но сам Ад сюда не вторгнется. Отныне. Надеюсь... Так что лучше о нем забыть на время жизни и заниматься другими проблемами.

Паньоль открыл было рот и тут же стиснул губы так плотно, что превратились в узкую щель.

– Слушаюсь, сэр! Будет исполнено, сэр!

Он все еще держал повод коня, Зайчик терпеливо ждал, неподвижный, словно выкованный из черной стали, даже ухом не шелохнул, а я соскочил на землю и принялся снимать седельный мешок.

Пальцы коснулись твердого сквозь тонкую ткань, острый зубчик кольнул остро и напоминающе. По руке от кисти побежала мощь. Руки задрожали от неистового желания поскорее выхватить корону и водрузить на голову, чтобы стать не просто еще сильнее, а предельно сильным.

Челюсти стиснулись с такой силой, что перекусили бы берцовую кость. Я чувствовал, как меня трясет, задержал дыхание и с огромным усилием, переламывая себя в себе, перекинул мешок через плечо.

Сухо застучали друг о друга талисманы, амулеты, что я наснимал с убитых. Их там вместе с короной целая россыпь,

хотя, может быть, простые нагрудные знаки без всякой магии.

Паньоль спросил осторожно:

– Вас проводить, ваша светлость?

– Я плохо выгляжу? – поинтересовался я.

– Краше в гроб кладут, – ответил он честно.

– Отойду, – пообещал я. – Живучести во мне... даже сам не знаю, у какого чудовища столько.

Твердым шагом, просчитывая под взглядами сбежавшейся челяди каждое движение, я двинулся к донжону, туда уже помчались слуги распахивать для меня двери. Сейчас нужно поскорее забыть о своем непонятном героизме, при одном воспоминании бросает в дрожь, и острая мысль мечется в пустом черепе: я ли там был?

Со стороны сада донесся радостный вскрик, я увидел золото роскошных волос сквозь плотную листву цветущих кустарников, мелко-мелко простучали каблучки, и через мгновение Иллариана ринулась мне на шею, запыхавшаяся и счастливая.

– Ты вернулся!.. Я так за тебя боялась!

Я подхватил ее на руки, она просто невесома, словно из тончайшей паутины, прижал к груди и торопливо понес в донжон. По сторонам мелькают тени слуг, я ни на кого не обращал внимания, наконец за спиной захлопнулись двери наших покоев, я опустил Иллариану на ложе, отступил, чтобы полюбоваться, но она тут же вскочила и снова бросилась

мне на шею.

– Не-ет! Я страшусь, что исчезнешь снова!

– Все закончено, – сообщил я счастливо. – Все позади.

Она уселась мне на колени и, обняв за шею, внимательно и недоверчиво всматривалась в мое лицо.

– Ты сумел закрыть Портал?

– Да, – ответил я.

– Но... как?

Я отмахнулся.

– Надежно. Не будем об этом, а то как вспомню... Давай о хорошем. Как ты с местными?

Она счастливо заулыбалась.

– Люди здесь милые, хорошие. Я не ожидала, что окружат такой заботой. Мне так хорошо, что просто страшусь, как бы кто-то большой и злобный не спугнул...

– Никто не спугнет, – заявил я. – Никто! Остался только один большой и злобный... это я.

Она счастливо завизжала, я крепко обнял ее, поцеловал и снял с коленей.

– Иди играй, знакомься с миром. Тебе им управлять! Или хотя бы царствовать.

– А ты куда?

– Пристрою где-то трофеи, – ответил я без уверенности, – да и вообще я до конца еще не вошел в роль герцога. Хотя, честно говоря, я чувствую себя вполне готовым...

– К чему?

Я пожал плечами.

— Есть люди ни на что не готовые, а есть — готовые на все.

Я не знаю, которые из них хуже.

— Ой, Ричард, ты такое говоришь...

В коридоре стражи бодро стукнули копьями в пол, скоро там будут ямки, морды преданные, всяк в крепости мечтает, чтобы хозяин не был размазней, с таким быстро обнищаешь, а с сильным станешь сильным и богатым.

— Бдите, — сказал я отчески строго. — Будет служба, будут повышения, жалованье вырастет!

Они провожали меня преданными взглядами, тут перераспределение ценностей происходит быстро, у сильного господина и слуги ходят в шелках и едят на серебре, а у слабого и рыцари ходят в обносках.

Я обошел залы, осмотрел все тщательно и придирчиво, но не отыскал места, где пристроить черную корону. Пытался повесить на стену, как трофей, гордо водружал на стол среди подсвечников, устраивал на видном месте в шкафу, наконец, измучившись борьбой с желанием водрузить себе на голову, озлился и, сунув в мешок, решил, что лучше всего приторочить к седлу.

Ну, а талисманы и амулеты, что снял с убитых, подождут до лучших времен. Чтобы разобраться с ними, не пробуя вслепую что и как срабатывает, понадобится помощь то ли моих алхимиков, то ли священников.

На четвертый день после возвращения из Темного Ми-

ра меня все-таки перестало трясти при одном воспоминании через что прошел, наконец-то обратил внимание, что на губах Илларианы то и дело появляется таинственная улыбка.

Хотя и до этого все три дня ходила с величайшей осторожностью, словно держит на голове стеклянную вазу. Я поглядывал с недоумением, спросить не решался, вдруг да нарушу какое-то табу, а она продолжала прислушиваться к себе, иногда улыбалась невпопад.

Наконец я не выдержал и ухватил ее в объятия.

– Что за новые тайны? Признавайся, а то съем! Ты же знаешь, я плотоядный.

Она мягко высвободилась из объятий.

– Осторожно, задушишь...

– Да я со всей чуткостью, – заверил я, хотя жаждалось именно схватить так крепко, что просто не знаю, – я тебя совсем не давлю!

– Давишь, – возразила она и пояснила, – ты нас давишь.

Я поперхнулся:

– Нас?

Она кивнула.

– Да. Я чувствую в себе новую жизнь. Это так странно... У нас уже забыли эти ощущения.

Я охнул.

– Будет ребенок?

Она счастливо улыбнулась.

– Да.

– Здорово, – сказал я, чувствовал, что говорю банальности, но всяк глупеет при таком известии, – это же... ага... здорово!... даже замечательно! Я его буду учить ездить на коне...

Она остановила мягко:

– Сперва нужно научить ходить, летать...

– Летать?.. – переспросил я тупо. – Ах, да, ну конечно, а как же без такого и естественного способа передвижения... Конь – это уже нечто продвинутое. Ну, как нам на дельфине... Это ж еще удержаться надо, верно?

– Ходить труднее, – согласилась она. – Летать... это так естественно! Летается само, а ходится... Скажи, почему ты такой скрытный? У тебя что-то там стряслось?

Я раскрыл рот, чтобы отшутиться, но как будто черная бездна космоса распахнулась во всю ширь. Стало нехорошо от его жуткой и безразличной глубины, словно стою на краю и смотрю в бездну.

Сердце сжала холодная призрачная рука.

– Трудно, – пробормотал я. – Такое ощущение, что там был не я... Нет, я, все делал я, но в то же время...

– Расскажи, – попросила она. – Сними с себя этот груз. Даже, если сделал что-то бесчестное, все равно ты мой, я тебя безумно люблю! Расскажи, прошу.

Я вздохнул, сказал с неловкостью:

– Бесчестного не было, надеюсь. Наоборот...

Она взяла мою ладонь в свои тонкие лапушки и смотре-

ла внимательно в мои глаза. Я перевел дыхание, снова хотел отшутиться, но сам не уловил момент, когда начал рассказывать, сперва нехотя, вкратце, потом уже во всех подробностях. Есть что-то в женщинах, что умеют вот так. Именно им и раскрываемся, мужчину я скорее бы зарубил, чем открыл душу. А если бы все-таки открыл, то потом поскорее зарубил бы.

Ее лицо медленно бледнело, потом появился румянец, наконец уже горело, как маков цвет, а глаза сияли, как утренние звезды.

– Ты поступил... самоотверженно!

Я ответил с неловкостью:

– Да, но... я далеко не самоотверженный человек, если честно. Скорее, наоборот. Нет, я не урод, просто в нашем королевстве у всех такая мораль. Ну там, не будь героем, всяк зверь гребет к себе, одна курица от себя, споткнувшегося толкни, а что мне больше всех нужно... Сейчас сам себе не верю. Как будто какую-то инфекцию подхватил в этом королевстве. Вообще не ожидал от себя ни такой жестокости, ни твердости, ни...

Я запнулся, она тихо договорила:

– Ни благородства? Прости, я заметила, ты его прячешь даже от себя. Если задела какое-то табу, прости...

Я помотал головой.

– Да все нормально. Говорят, лишь на краю бездны человек раскрывает душу. Но не хотел бы еще раз заглянуть в

нее. Вдруг там все-таки не моя, а чья-то краденая?

Она засмеялась, прижалась ко мне, счастливая и тихая.

– Нет, душа у тебя замечательная. И она твоя, чувствую. Но как же все-таки хорошо, что тот ужасный мир с его чудовищами исчез... Он вообще не должен был соприкасаться с нашим, это была какая-то ошибка богов!

Я промолчал, что обычно расценивается как согласие, но что-то в такой картине мира не состыковывается. Если бы этот Темный Мир в самом деле пришел откуда-то, здесь было бы нечто невообразимое, но я видел этих существ, дрался с ними, и голову даю на отрез, что не так уж отличаются от меня. Если на то пошло, в истории Земли были целые культуры и цивилизации, основанные на каннибализме и вампиризме: ацтеки, майя, такой же Темный Мир, так что о пришедших с Луны – оправдательные легенды.

Если бы с Луны, хоть какое-то оправдание, а так, увы, это мы сами, это какая-то из наших черточек, обычно забитая и затоптанная вглубь, стала вдруг доминантной и обрела власть. Прав был Достоевский, заявив, что широк человек, слишком широк, надо бы его сузить...

То же самое и с «долунными». Какой-то народ тысячи лет прожил в блаженной изоляции, как вон сумчатые в Австралии, не зная врагов, пока туда не попала с какого-то корабля собака.

Я прижимал к груди Иллариану, баюкал, она счастливо закрыла глаза, а я подумал что спасибо Алонсии, не дала мне

совершить слишком уж нерыцарский поступок. Теперь, когда у меня Иллариана, трепещу от мысли, что мог бы поступиться принципами и жениться по расчету.

И хотя тогда был уязвлен ее отказом до глубины души, но сейчас счастлив, что Алонсия оказалась благороднее меня.

Она распахнула глаза, такие неправдоподобно огромные и чистые, отыскала взглядом мое лицо.

– Ты человек...

– Надеюсь, – пробормотал я с настороженностью.

Она слабо улыбнулась.

– В человеке есть светлая сторона: доброта, сострадание, милосердие, любовь, нежность... и есть темная: жестокость, себялюбие, агрессия, похоть...

– Мы с этим боремся, – заверил я. – Удаляем! Выдавливаем из себя.

Ее улыбка стала невеселой, а в глазах отразилась давняя боль.

– Увы...

– Правда-правда.

Она покачала головой.

– Если удалить из человека темное, он очень быстро теряет желание жить активно, исследовать, придумывать и превращается... ну, не в животное, но теряет всякую силу духа. И уже его род не развивается. К сожалению, в этом не однажды убедились Великие Маги прошлого, они же Молодые Боги, когда снова и снова пытались вырастить человечество

без агрессии...

– Ого, – вырвалось у меня.

– Это им обошлось дорого, – объяснила она тихо. – Потом приходилось всякий раз с надеждой смотреть на дикие племена, уцелевшие где-то на окраинах мира, позволять им выйти на просторы и завоевывать благополучных и неагрессивных, что потеряли стимул жить и развиваться...

Я слушал с содроганием, слишком чудовищные масштабы, потряс головой.

– Не представляю... Но теперь, надеюсь, не вмешиваются?

Она шепнула:

– Те времена остались только в легендах, но они правдивы. Кое-что нынешним магам удалось даже увидеть в прошлом, хотя это потребовало огромных усилий... Как-то получается, что только злой и агрессивный человек может развиваться, завоевывать рубежи как чужих королевств, так и знаний...

Она зябко вздрогнула и прижалась ко мне всем телом, ища защиты у человека, самого жестокого существа на свете.

Человек, проговорил я мысленно, укладывая новые понятия в извилины, вырвался из темного царства и стал человеком именно благодаря темной стороне своего характера. Но из-за этой своей особенности он постоянно ходит по лезвию острого меча. Когда дает ей волю – превращается в зверя, его убивают или изгоняют. Но если держит под контролем,

становится лидером всего живого, открывает новые материки, новые законы, изобретает, строит, ломает, возводит, создает...

Я нежно поцеловал ее в лоб, как засыпающего ребенка.

– Не буду убирать агрессию, – пообещал я. – Но не выпущу наверх, обещаю. Без особой необходимости.

– Не выпустишь, – пробормотала она сонно. – Ты сильный... Что это у меня под щекой? Копыто?

Она с удивлением потрогала кожу на кисти руки.

– Ого! Почему такая... грубая?

– Потому что толстая, – объяснил я.

– А почему толстая?

– Потому что сэр Ричард толстокожий, – объяснил я терпеливо. – А теперь лучше...

Она кивнула, но продолжала в задумчивости поглаживать кончиками пальцев мою в самом деле огрубевшую кожу. Я чувствовал нежное прикосновение, хотя не должен бы ничего ощущать, сам наращивал здесь дополнительную защиту наподобие роговых мозолей, чтобы тетива не рассекала кожу при каждом выстреле.

Все стрелки носят специальные рукавички из толстой кожи, но и те быстро приходят в негодность, тетива бьет очень сильно. Я могу, конечно, быстро заращивать рану, но это после каждого выстрела терпеть резкую боль, пусть лучше уж толстокожесть. Для мужчины это даже признак достоинства.

Иллариана, похоже, так не думает, лицо погрузтело, а

ресницы печально опустились, скрывая взгляд.

– Какой у вас жестокий мир... А я слабая и пугливая. Ты, наверное, смеешься надо мной?

– С чего вдруг?

– Я у тебя, как птичка на жердочке или подобранный на улице бедный и жалобный щенок... Ты так заботишься обо мне!

– Как о щенке?

– Да...

Я кивнул.

– Ты права. Мужчины вообще часто относятся к женщинам, как к собакам! Ожидают от них верности. А женщины – кошки: гуляют сами по себе, а муж для них – существо, что кладет корм в мисочку и убирает какашки. Из-за этого и непонимание, конфликты...

Она спросила недоверчиво:

– Что, совсем нет верных?

– Есть, – ответил я, – но это исключение. Кому повезло, должен знать, что повезло, а не так и должно быть. А у кого не так, то это норма, а не «не повезло». Мужчинам не следует искать у женщин верности.

Она посмотрела на меня с отвращением.

– Сэр Ричард, вас в детстве макушкой вниз не роняли? Из какого уродливого королевства вы прибыли?.. Я тебя прибую за такие слова! Женщины – верные! И всегда будут любить вас, противных.

Глава 2

Она так и заснула в моих объятиях, беременных часто тянет в сон, я баюкал и наслаждался покоем, но мозг, что работает даже ночью, сплетая причудливые сны, работать продолжал, хотя и несколько хаотично, лишенный конкретной проблемы.

Издавна ахали, удивлялись чуду: вот в прошлом году образовалась вершина горы, там на большой высоте образовалось озеро, вода чистейшая, горная... а в этом году там уже плавают рыбы! Откуда они? Никто туда не добирался раньше, и тем более не запускал ничего и никого...

Это потом естествоиспытатели догадались, что к лапам плавающих по озерам уток всегда прилипает икра, как рыб, лягушек, так и прочих-прочих, она для того и липкая, а потом утки разносят в перелетах по всему маршруту с севера на юг. А так как летят из разных мест, то их трассами покрыты все водоемы на свете, где они и отдыхают по дороге.

Как образовались племена, народы и даже нации в изолированных непроходимыми стенами или широкими пропастями землях, с уверенностью сказать труднее, их точно не утки разносили, и даже не гуси, но, по словам Илларианы, в королевстве Вестготия заселены практически все мало-мальски плодородные земли.

Так что одна из задач короля – обеспечить всех дорогами.

Иначе как он может осчастливить их налогами?

Увы, король такую грандиозную задачу решить не может, мало сил.

Я просыпался медленно, неспешно и с неохотой покидал реальность, где мы с Илларианой неторопливо плывем, раскинув крылья над облаками, а между нами часто-часто лупит по воздуху крылышками визжащий от счастья ребенок, и проявляясь в той, где мне еще предстоит многое упорядочить и обеспечить стабильность, в Гандерсгейме закончить завоевание, закрепить роль церкви, поскорее воплотить в реальность все то, что уже может быть сделано: паровые котлы, часы-ходики и прочее-прочее...

Сон обволакивает сознание, как шоколадная начинка хрустящую конфетку, но острое как шило чувство больно кольнуло уже в этом осязаемом мире. Я ощутил не холод, как бывает при опасности, а тихую, но бесконечную печаль.

В тревоге поспешно открыл глаза и автоматически протянул руку к Иллариане, чтобы подгрести ее к себе, спрятать и укрыть... но пальцы наткнулись на пустую подушку.

Я подпрыгнул, дико огляделся. Комната пуста, все на месте, никаких следов борьбы, только одно из окон распахнуто, ветерок колышет занавески. Боль резанула по нервам, я с рычанием ринулся через всю комнату и с такой силой ударился в проем, что едва сам не вылетел наружу, но плечи застряли, и я бессмысленно смотрел на зеленую долину внизу, на стадо белых гусей, бредущих к озеру, еще доносятся

щелчки кнута, вот там пастух гонит скот на пастбище...

– Что? – прорычал я с лютой подозрительностью. – Кто?.. как сумели?

На девственно чистом столе белеет лист бумаги, которого вчера не было. Не помня себя, я моментально оказался там, ухватил дрожащими руками. Буквы дрожали и прыгали, но даже потом, когда сумел сложить их в слова, не мог понять смысл и повторял тупо: «Милый, любимый, единственный! Не ищи меня, я ушла навсегда. Никогда я в жизни не любила и не смогу полюбить так же сильно. Но мне надо уйти. Прости! И не ищи меня, пожалуйста!»

– Мне надо уйти, – повторил я тупо. – Мне надо уйти... не ищи меня... мне надо уйти... Но почему? Зачем? Куда?

Двери распахнулись, вбежали стражи. Оба с обнаженными мечами в руках, на лицах готовность броситься на любого врага.

– Ваша светлость?

Я прохрипел перехваченным горлом:

– Иллариана... Куда она исчезла? Кто видел?

Один вытаращил глаза, икнул и застыл, а другой, тоже ахнув, сказал неуверенно:

– Она умеет отводить глаза... Никто не увидит, если она не возжелает... И никакие амулеты не выявят...

Я прорычал:

– Знаю. Но что-то же заставило?.. Расспросите челядь. Не заметили за ней чего-то... странного, что ли? Необычного!..

Идите же!

Через четверть часа тщательных расспросов по крепости я уже в точности знал, где вчера бывала, с кем и о чем говорила, как себя вела и как держалась. Ничего необычного никто не заметил, за исключением того, что со всеми общалась исключительно тепло и смотрела так, словно расстается очень надолго.

Я молча ругнулся, приходится расстаться со слабой надеждой, что ее похитили. Тогда еще оставался бы шанс отыскать, перебить мерзавцев, а ее с торжеством вернуть обратно. Но если в самом деле ушла сама и по своей воле...

Остается только крохотный шанс все исправить в том, чтобы понять причину и убедить Иллариану, что это не причина, а женская блажь, дурость, каприз. На самом деле мы не можем один без другого, мы уже срослись душами, а сейчас расставаться – даже не резать по живому, а разрывать одно существо на две половинки.

Вечером примчался мальчишка, исцарапанный колючими кустами, бежал напрямик, преданно уставился на меня большими серьезными глазищами.

– Ваша светлость, – выпалил он, – у меня отец охотник, он был в лесу и видел, как ваша леди...

Он запнулся, подбирая слова, я прорычал:

– Говори скорее!

– Ваша леди, – повторил он, – вчера тайком побывала у Тихоринга Золотой Рог.

Я схватил его за плечо:

– Что за Тихоринг?

– Предсказатель, – сказал он быстро. – Предсказывает судьбу. К нему часто ходят.

– Где он живет?

Я едва не скрипел зубами от нетерпения, мальчишка прокричал быстро и пугливо:

– По ту сторону леса! Там на опушке у оврага...

– Беги за мной, – велел я.

Я выметнулся в коридор, как буря из ущелья, простучал сапогами по лестнице. Сердце перестало колотиться в бешенстве о ребра и сделало стойку, как пойнтер на засевшую в камышах утку. Это для меня предсказания не существуют, я же человек новой эры, христианин, а она из древней эпохи, тогда предсказателям верили, с ними советовались, их слушались...

Мальчишка послушно бежал следом, я выскочил во двор и заорал страшно:

– Зайчик!.. Ко мне!

Первым прибежал Адский Пес, уставился горящими глазами, скорей говори, куда поедем.

Зайчик выметнулся из конюшни, выбив ворота. Я сразу же вспрыгнул ему на спину, не дожидаясь, пока оседлают, протянул руку мальчишке. Он поспешно вытянулся весь навстречу, я вздернул его вверх и усадил сзади.

Бобик весело гавкнул и понесся большими скачками к

воротам. Арбогастр недовольно фыркнул, но Адскому Псу пришлось подождать, пока откроют ворота, а дальше они выметнулись ноздря в ноздю.

Мальчишка указывал дорогу, лес налетел, как буря, мы прижались к конской гриве и слышали только свист проносящихся сверху ветвей. Иногда что-то трещало, это Зайчик разбивает грудью зависшие деревья, что перегораживают путь, над нами свистят щепки, ветер дергает за волосы, а под копытами взлетают прошлогодние листья.

Деревья разлетелись в стороны, как вспугнутые воробьи. Красное небо заката распахнулось на полмира, темно-багровые облака уже застыли, тяжелые и подернутые окалиной, готовясь охладиться за ночь и к утру стать снежно-белыми.

Мальчишка прокричал:

– Вон там!

Он возбужденно цеплялся за мои плечи, еще бы, такая скорость, будет, о чем хвастать, тыкал пальцем в сторону гигантского дуба с раскинувшимися ветвями.

– Там живет? – перепросил я.

– В дереве!

С другой стороны дуба оказалось дупло, я заглянул вовнутрь, довольно просторное, десяток человек поместится, отшельник натаскал сухие ветки, покрыл десятком шкур, но сейчас там пусто.

– Где он может быть? – прорычал я.

– Скоро вернется, – заверил мальчишка. – А сейчас он,

наверное, в нашей деревне. Он еще и лекарь...

Я прервал:

– Показывай дорогу!

Адский Пес внимательно следил, куда покажет мальчишка, и первым ринулся в ту сторону. Через несколько минут Зайчик резко затормозил перед первыми домами, а то сокрушит, а я оглядел испуганных внезапным появлением лорда крестьян.

– Кто староста?

Мне торопливо показали на добротный дом, Зайчик сделал гигантский прыжок, а на крыльцо вышел, вытирая ладони о толстый живот, мужик в новенькой одежде.

Бобик подбежал к нему, мужик побледнел и замер, вытянувшись в струнку, словно стремился взлететь.

– Ваша светлость...

Я сказал резко:

– Предсказатель Тихоринг здесь?

Он помотал головой.

– Он уехал и не вернется!.. Но велел передать вам...

Я протянул руку.

– Давай.

– На словах, – сказал староста виновато. – Он сказал, что вы придете убить его, а он не виноват и вины не признает. Потому лучше спрячется на то время, пока ваш гнев остывает.

Я прервал:

– Он сказал, что напредсказывал моей леди?

Староста перекрестился и сказал истово:

– Да, из-за этого вы его и восхотите убить. А он предрек только правду... как он мне сказал.

Я соскочил на землю и взбежал к нему на крыльцо.

– Что, – прорычал я, – что он ей сказал?

Староста отшатнулся, прокричал в испуге:

– Он сообщил ей, что будет с вами безумно счастлива всю жизнь!.. А вот вы постепенно станете несчастным... потому что потеряете другие крылья... он так и сказал!.. Я, правда, не понял, но он велел запомнить слово в слово, а я в деревне самый запоминательный... Вы ради этой женщины откажетесь от завоеваний и свершений, ради семейного счастья, но это потом сделает вас несчастным... Он все это сказал ей и еще сказал, что она будет долго плакать, но решится ради вашего счастья пожертвовать своим.

Я схватил его за грудь, но тут же разжал пальцы, староста рухнул на землю, подхватился и убежал. Я несколько раз ударился лбом о стену дома.

Кровь потекла в глазную впадину, пощекотала щеку, затем я ощутил ее солоноватый вкус на губах.

Иллариана ушла ради меня? Пожертвовала своим счастьем? Но это и мое счастье, как она посмела, я же не могу жить без нее...

Вернулся в замок ночью, все факелы зажжены, меня уви-

дели издали и распахнули ворота загодя, челядь суетливо шустрит поблизости, чтобы всегда под рукой, но стараются держаться в сторонке...

Марсель встретил во дворе, напряженный, как струна, суровый, но с такой печалью на лице, словно это он потерял самое дорогое существо на свете.

Я отдал арбогастра конюхам, Паньолю устало махнул рукой.

– Все кончено. Она ушла. И не вернется.

Он спросил осторожно:

– Она... как-то объяснила?

– Не хочет мешать мне, – ответил я горько. – Что она понимает...

Горло перехватили невидимые пальцы, я пытался вздохнуть и не мог, зато злые слезы закипели в глазах, а в груди разлилась острая боль.

Марсель вздохнул, на немолодом лице море сочувствия и понимания, как будто кто-то еще может понимать такую боль, проговорил очень почтительно:

– Ваша светлость, не дайте амоку овладеть собой. Вам слишком легко давались победы с мечом в руке.

– Не так уж и легко, – прошептал я сквозь слезы.

– ...потому вам кажется, – продолжил он, словно не слыша, – что и в личном должно быть так же. А если нет, сперва недоумеваете, потом удивляетесь, гневаетесь, наконец безумствуете! А это неправильно. Воинских побед мо-

жет быть много, а любовь бывает лишь одна.

– Зато подделок тысячи, – сказал я.

Он покачал головой.

– Грустно это... Вы слишком истосковались по любви, ваша светлость. Потому и полюбили это крылатое существо, слишком светлое, слишком нежное, чтобы жить в нашем мире. Уж простите за такие слова, но даже хорошо, что улетела! Вы все-таки из этого мира и для этого мира. Она это поняла и... пожертвовала собой. Теперь вы должны сделать так, чтобы ее жертва была не зряшной.

Я сказал с тоской:

– Как?

– Делать мужскую работу, – ответил он прямо. – Для которой все мы рождаемся.

Я вздохнул, но из груди рвутся рыдания, и чтобы не разреветься прямо среди двора, я кивнул и пошел в донжон.

Стражи в залах и в коридоре вытягивались и застывали, делая вид, что видят меня, но не замечают. Я кое-как добрался до своих покоев, почему-то сразу же ноги понесли к вбитым в стену крюкам, где я так и эдак примеривал черную корону Властелина Темного Мира, где лучше будет смотреться.

Острое желание взять седельную сумку, где оставил корону, стало таким сильным, что повернулся и двинулся к дверям, уже взялся за ручку, но заставил себя остановиться.

Иллариана, конечно, против, но сейчас ее нет, а жаж-

да опустить корону на голову просто сжигает изнутри, чувствую этот недобрый огонь, гложущий внутренности.

Я вернулся к ложу, упал на мягкую перину, но снова вскочил и ринулся к двери, там остановился и заставил себя отступить.

– Да что со мной? – сказал вслух с горечью. – Кто не был в молодости радикалом, тот в старости станет сволочью... У меня старость уже наступила? Я не хочу отказываться от этой мощи!.. Но как же... Когда я перебрался через океан, у меня на Юге в руках была не меньшая мощь, а то и побольше... но в голову не пришло поработить демонов и стать их хозяином! Нет, вру, мысли приходили, как же без них, но их отшвырнул гордо и красиво!.. Так что же теперь? Устал?.. Постарел? Да я тут всего три года, ну пусть чуть больше... Или все-таки постарел, весь пар ушел в свисток?

В комнате вспыхнул яркий радостный свет. Из распахнутого окна доносились со двора голоса, заржала лошадь, а это значит, тот, кто умеет останавливать мгновение, на этот раз даже не замедлил время...

Я повернулся, ожидая увидеть его франтоватого и веселого, однако он показался мне мрачнее грозовой тучи. Пахнуло смертельной угрозой, лицо почти черное, в глазах сверкают молнии.

– Ну? – процедил он люто сквозь зубы. – И что еще? Вы уничтожили целый мир! А теперь страшитесь надеть корону?

Я спросил примирительно:

– И превратить этот мир в Темный?

Он прорычал:

– Нельзя было уничтожать, нельзя! Да, там был тупик. Да, ничего не удавалось сделать... Но все равно, я не просто недоволен... я просто в ярости! Там была такая замечательная площадка для отработки некоторых моделей поведения!

– Та площадка начала залезать на эту площадку, – сказал я нервно.

– Вы в самом деле сторонник справедливости?

– Не совсем, – ответил я осторожно, – разве что справедливости в моем понимании, я же самый умный, слышали?.. Но важнее то, что наша площадка, как мне кажется, перспективнее той. Я не хочу сказать, что все новое всегда лучше старого, но все-таки новое лучше почти всегда. А там основа была слишком древней, хтонной, спинномозговой. Но, сэр Сатана, возможно, вам будет весьма интересно знать, что Творец был недоволен, если не сказать круче, еще больше, чем вы сейчас.

Его перекошенная физиономия на миг застыла, затем глаза вперили в меня пронизывающий взгляд.

– Что-о-о-о?

– Это же он создал, – напомнил я. – А я, того... как слон в посудной лавке... Да вообще-то куда там паршивому слону! Я как стадо слонов. И вообще...

Он мгновение смотрел на меня бешеными глазами, нако-

нец проговорил все еще люто:

– Да, о нем как-то не подумал... Ему вы, сэр Ричард, нанесли ущерба намного больше.

– Вот-вот, – сказал я, – хоть вы имейте... не сострадание, конечно, у вас же все по-деловому, но тогда деловой расчет. Если вашему конкуренту я навредил больше, то вам я не враг.

Он не сводил с меня обжигающего взора, взгляд неверящий, словно все еще не понимает, как на месте прежнего Ричарда, которого знал, как облупленного, возникло такое вот непредсказуемое чудовище.

– И как он вас пощадил?

– Наверное, – признался я, – только благодаря беспрдельному милосердию. Щадит же наш род, хотя мы натворили куда больше, чем допотопные, которых притопил, как слепых котят...

Он поморщился.

– Да, постарел...

– Милосердие – признак старости?

Он сдвинул плечами.

– Разве жестокость и нежелание идти на компромиссы не отличительные черты молодости?

Я пробормотал:

– Вы так окольно назвали меня щенком?

– Гм, – сказал он и впервые чуть раздвинул губы в улыбке, – вам виднее. Не зря же у вас такие ассоциации.

Я сказал быстро, пользуясь случаем:

– Что такое Темный Мир?.. Почему вас там не было?..

Он вскинул брови.

– Я-то при чем?

– Разве не вы истинный властелин Темного Мира?

– Шутите? – переспросил он. – Или всерьез?

Я сказал раздраженно:

– Что-то в общей картине не состыковывается. Есть Добро и Зло, Свет и Тьма...

– Правда и Кривда, – продолжил он с иронией, – Верность и Предательство... в общем, примитивный дуализм. Вы с таким термином знакомы? Прекрасно. Очень простая схема для простых умов. Потому так популярна.

– А что, есть и третья сторона?

Он поразмыслил и покачал головой.

– Вообще-то нет... если по самому высокому счету. Но кроме Света и Тьмы есть хотя бы Сумерки... уж не говорю о менее заметных материях. Темный Мир, как вы его называете, это хтонный мир, настолько древний, что люди тогда еще не были людьми. И религий тогда еще не возникало... в том виде, в каком признаем религиями.

Я спросил:

– Но вы-то, сэр Сатана, тогда уже были? Вы ведь с первого же Дня Творения?

Он кивнул.

– Да. Но тогда мы, все ангелы, были блаженными исполни-

телями воли Господа. Наша самоидентификация началась, как ни странно, после сотворения человека. Господь создал Адама и, весьма довольный своим творчеством, восхотел, чтобы мы оценили его шедевр и поклонились человеку, признав его властелином мира.

Он умолк, я сказал нетерпеливо:

– Да-да, я знаю. Большинство бездумно признало, а вы, сэр Сатана, отказались. Мол, существо из огненной породы, могучее и бессмертное, не станет кланяться куску мокрой глины.

– С этого все и началось, – согласился он. – У вас, людей, почему-то бытует мнение, что после этого Господь, разгневавшись, сбросил меня и моих сторонников в ад. Конечно же, это неправда. И в ваших книгах записано все верно, только надо уметь читать. Там нигде не сказано, что Господь нас низверг!.. Нигде. Господь и пальцем не шелохнул. Это те лизоблюды, что присягнули человеку и поклонились, даже не понимая, что делают, а только потому, что так велел Творец, это они собрались войском и после жестокой битвы низвергли нас с небес!.. Нас было во сто крат меньше, сэр Ричард, но мы им дали бой. И мы почти-почти победили, но в последний момент один отряд проявил малодушие и перешел на сторону верных Творцу.

Я спросил напряженно:

– Постойте... выходит, вы тоже, вслед за человеком, обрели свободу воли?

Он криво улыбнулся.

– Только те, кто захотел. Хочу вам напомнить, сэр Ричард...

– Ну-ну!

– Творец, – произнес он с нажимом, – с того момента, как создал человека и велел ангелам признать его властелином мира... ничем себя не проявил. Вся эта грандиозная битва, когда горела земля, океаны вскипали и превращались в пар, горы плавилась и растекались жидким огнем, когда среди зеленых долин вырастали исполинские мертвые горы... прошла не только без его участия, но и без его внимания. И самое главное... вы меня слушаете?

– Со всем вниманием, – заверил я.

Он сказал с еще большим нажимом:

– Он так и не прояснил своего отношения к той битве... Хотел ли он такой развязки? Каждая из сторон все еще считает себя правой, но и в войске ангелов во главе с архангелом Михаилом, и у нас многие уже сомневаются. Верно ли поступили тогда?... Более того, кого Творец считает правыми сейчас?

Я ощутил холод в душе, словно она открылась вечному космосу и межзвездным просторам. Сатана смотрел на меня с нехорошей усмешкой.

– Возможно, – сказал я с трудом, – у Творца планы гораздо грандиознее, чем нам дано вообразить. Может быть, он знал наперед, как среагируют ангелы на создание человека?

Может быть, ваш бунт, сэр Сатана, был предусмотрен Создателем, как родители наперед угадывают реакцию ребенка на те или иные слова отца?

Он скривился.

– Ненавижу даже думать о таком!

– Я тоже, – признался я. – Но моя мама всегда знала наперед все мои детские хитрости. Уж не знаю как. Но все равно меня любила. А у вас, как мне кажется, эдипов комплекс. Сын на определенном этапе развития личности всегда хочет свергнуть отца и занять его место. Потом, конечно, со временем такое проходит. Вы, как я вижу, еще не повзрослели? Все еще хотите свергнуть Творца и сесть на его трон?

Он посмотрел на меня волком.

– Мне все равно, как вы это называете. Если бы у вас не было этого комплекса, вы не выбрались бы из пещер!

– Но если бы не научились его смирять, – добавил я, – тоже не выбрались бы.

Он прошелся вдоль стены, потрогал ее пальцем.

– Даже здесь чувствуется присутствие того мира... В стенах накапливается некая эманация.

Я спросил встревоженно:

– На меня не повлияет?

Он посмотрел на меня с нехорошей улыбкой.

– А как вы думаете, откуда она подпитывается?

Глава 3

После его ухода я долго сидел с сильно бьющимся сердцем и пытался собраться с мыслями. Неслучайно архангел Михаил так смотрел злобно и жаждал меня убить. Для Сатаны присутствие во мне такой силы Тьмы лишь ха-ха, всего лишь любопытно, что дальше, но мне как раз очень неудобно, если говорить мягко.

И раз уж во мне ее столько, то я должен постоянно следить за собой, а то наломаю дров.

Рано утром я поднялся с тяжелой головой и понял, что так и не заснул, а все те суматошные видения, что одолевали пять часов кряду, вовсе не сон, а тягостный бред наяву.

Иллариана, была первая мысль. Если я не заморю себя работой или какими-то заботами, я сегодня же свихнусь окончательно.

В соседнем зале дворецкий тщательно протирает золотые кубки, очень тяжелые и неудобные, зато престижные, а еще на полках блестят фужеры из тонкого стекла с диковинно изогнутыми ножками. Я подсознательно ждал, что вот-вот упадут, у них настолько чудовищно смещен центр тяжести, что просто не могут стоять вот такие и не падать...

Он вздрогнул, ощутив мое присутствие, повернулся быстро и крайне почтительно склонился.

— Ваша светлость...

Я поинтересовался:

– А почему кубки подаешь, а фужеры прячешь?

Он выпрямился, на лице замешательство.

– Ваша светлость, из кубков пьют наиболее знатные... А фужеры для тех, кто попроще.

– Ага, – сказал я, – понятно. Ну, когда я один или с друзьями, подавай фужеры. А золотые кубки только на пиры. Только... что это с ними?

Он проследил за моим взглядом, на бесстрастном вышколенном лице проступило нечто вроде сдержанной улыбки.

– Ваша светлость, все вот так сперва... Потом привыкают.

– А как они не падают?

Он пожал плечами.

– Магия...

Я зло стиснул челюсти. Магия, черт бы ее побрал. Этим словом объясняют все непонятное, а заодно перечеркивают любые попытки доискиваться истины. Потому мир магии – это застойный мир, а мир науки – постоянно развивающийся.

Плохо только, что любые проявления магии нам симпатичны, что ли, как неожиданные подарки, а наука – это нечто ближе к ежедневной и рутинной работе, но кто из нас, положив руку на сердце, работает из любви к работе, а не по необходимости зарабатывать на жизнь?

– Где наш новый управитель? – потребовал я.

– Артур Шницлер? – переспросил он на всякий случай. –

Он везде. В смысле, может быть везде. Здесь довольно странное сообщение между... между этажами, помещениями. Я даже не пытался разбираться. Принимаю, как должное. Хотите позвать?

– Да, – отрубил я. – Пусть явится ко мне в покои.

Шницлер явился на удивление быстро, едва ли не быстрее, чем я вошел, и бросил на стол перчатки. Собранный, настороженный, с недоверчивым взглядом выпуклых глаз, он поклонился от двери и остался в таком положении.

Я сказал нетерпеливо:

– Давай без особых церемоний. И не прибавляй к каждому слову «ваша светлость», это вдвое сократит разговор. Итак, что скажешь о своей новой должности?

Он выпрямился, взгляд острый, развел руками, но только слегка, в присутствии высоких особ нижестоящие не должны позволять себе размашистые жесты.

– Ваша свет... простите, но я и раньше делал все то же самое. Томас Кемпбелл вел дела герцога умело... Я хочу сказать, хорошо подбирал помощников. Они все и делали, а он лишь...

– Занимался темными делишками, – прервал я жестко. – Как я понимаю, ты всех полезных оставил на месте?

Он ответил с поклоном:

– Зачем терять натасканных и умеющих, а брать новичков, которых еще неизвестно, научишь ли? Все работают, ваша грозная слава никому не позволит лентяйничать. Налоги

собираются, кузнец вернулся к работе, некоторых слуг я заменил, разницы не заметите...

– Как с хозяйствами вне замка? – потребовал я.

Он вздрогнул, сказал торопливо:

– Тоже... стараюсь. Там были трудности, Кемпбелла знали больше, а меня пока мало кто слушает...

Я потребовал:

– Почему?

Он смущенно развел руками.

– Приказывать и распоряжаться я могу хорошо, но с отдаленными хозяйствами нужно еще поставить себя. А это у меня получается пока плохо.

– Ты должен научиться говорить с людьми, – сказал я наставительно, – одной твоей должности и моей тени за спиной недостаточно.

Он сказал тоскливо:

– Да знаю, ваша... простите!.. Скажу откровенно, я уже начал запираяться в комнатке и произносить речи!.. Словно бы перед большой толпой. Там вроде бы получается, но когда выйду даже на деревенскую площадь перед крестьянами...

– Постой, – переспросил я. – В той комнатке тебя кто слушает?

– Только я, – ответил он. – Сам перед собой и произношу.

– Тогда понятно, – сказал я. – Эх, Артур... одно дело, когда успешно втолковываешь что-то тому дураку, другое – когда людям! Народ не из таких дураков, что тебя слушает в

одинокестве. Там всякие.

Он тяжело вздохнул.

– Значит, все зря?

– Говори с живыми, – посоветовал я. – Говорят же, уча других, и сам учишься. А попросту: или их поднимешь до понимания, либо сам опустишься... что произойдет скорее, так как у нас у всех мозги стремятся закинуть или засохнуть. Ладно, я сейчас еще раз объеду свои владения. Подготовь список проблем, которые тебе не по зубам.

Пес несется впереди, подпрыгивает на всех четырех и на лету звонко щелкает зубами. Пойманные бабочки остаются в пасти, а нежные крылышки с отвращением выплевывает.

Арбогастр аристократически смотрит свысока, пофыркивает на скаку, он уж точно никогда бы не позволил себе так распускаться и вести себя чересчур... естественно.

Я объехал ряд хозяйств, Артур прав, иногда достаточно не браться самому за решение чужих проблем, а просто явиться и спросить грозно: «Как, вы еще не сделали?» и многозначительно погладить рукоять меча.

На всякий случай я расспрашивал про демонов, что могли появиться из ниоткуда. Никто ни о чем не слышал, существа Темного Мира, проникшие к нам через портал, либо передохли, либо затаились в ожидании подкрепления, которое никогда не придет.

Когда я ехал через густой лес с могучими красивыми де-

ревьями, Пес насторожился, сделал стойку, как на дичь, потом посмотрел на меня с вопросом в больших детских глазах.

Я остановил арбогастра, тот сразу превратился как в каменную статую, а я прислушивался и присматривался, наконец уловил далекий хруст сухой веточки, а чуть позже – шелест ветвей кустарника.

Между деревьями идет молодая девушка в простом крестьянском платье, а это значит, что под этим балахоном у нее другой одежды нет. Грудь высокая, живот плоский, спина прямая, черные как смоль густые волосы убраны в высокую прическу и плотно перетянуты красными лентами.

Вот только через плечо перевязь с мечом в узких ножнах, а тонкую талию перехватывает широкий кожаный пояс с кармашками, а еще там короткий нож в кожаном чехле.

Я покачал головой, когда девушка молниеносно выхватила меч и неуловимо быстро срубила толстую ветку, загораживающую дорогу. Тут же меч снова оказался в ножнах, а она шла дальше мирная и беспечная, на полных губах загадочная улыбка.

Женщина с мечом – да, выглядит здорово. Сочетание женственности и грозного орудия убийства. Я сам с удовольствием смотрю, когда такая дура возьмет клинок и пойдет с ним вышагивать по саду, комичная и забавная, как ребенок, старающийся выглядеть взрослым и влезший в папины сапоги. Но нельзя же всерьез этим дурам давать в руки мечи

или даже луки!

Как ни крути, но пустить стрелу из пятидесятифунтового лука женщина просто не в состоянии. Натянуть его в силах только мужчина, да и то не всякий. Ну, разве что Боудеррия сумеет выстрелить даже из лука самого Асмера, он у него стофунтовый, однако все прочие женщины зачастую даже не в силах его поднять, а не то, чтобы держать в одной руке, а другой тянуть на себя очень уж тугую тетиву.

У этой меч предельно узкий, легкий, таким даже ее руки смогут разрубить не защищенного доспехами человека. А двигается она быстро...

Я неслышно покинул седло, подкрался ближе к кустам, и когда она проходила с той стороны, прыгнул и придавил к земле. Она отчаянно задержалась, но я приложил лезвие кинжала к ее горлу и внимательно посмотрел в глаза.

Она побледнела и закусил губу, взгляд мой говорил, что никаких скидок на женскость, убью без малейших колебаний.

– Говори, – велел я. – И давай без этих глупых историй насчет заблудилась в лесу. Я хоть и дурак, но не настолько, чтобы поверить в такую хрень. Не понимаю, как другие постоянно попадаются!

Она прошептала в страхе:

– А что говорить? Скажите, я на все согласна.

– Если на все, – сказал я резко, – выкладывай, кто тебя послал. Какие дал инструкции.

Она проговорила дрожащим голосом:

– Меня не посылали...

Я прервал:

– Ладно, как хочешь. Я не знаю, насколько ты опасна, но что враг – бесспорно. Потому на всякий случай я тебя просто убью.

Она пробовала приподняться вслед за мной, я толчком опрокинул ее обратно, занес нож и с силой обрушил вниз. В последний миг слышал отчаянный визг:

– Меня послал барон Брайан Петтиген!

Острие меча врубилось рядом с ее головой, брызнула алая кровь. Женщина вскрикнула и ухватила за мочку уха, пальцы окрасились кровью.

– Говори быстро, – приказал я. – Никаких виляний. Чуть заподозрю... только заподозрю!.. брехню, больше предупреждать не буду.

Я вытащил из земли нож и снова занес его над ее головой. Она пропищала жалко:

– Вы все равно убьете...

– Скорее всего, – согласился я. – Но могу и не убить. Все зависит от того, насколько быстро и кратко выложишь все секреты.

Она скосила глаза на нож, на бледном лице откровенный ужас, заговорила быстро-быстро, глотая слова:

– Послал барон Петтиген, это родственник убитого вами герцога Хорнельдона. Он хочет вас убить, но так, чтобы по-

дозреение на него не падало, опасается королевского гнева. Я должна была дожидаться, когда вы мною овладеете, и вонзить в вас вот эту шпильку.

– Отравленная?

Я взял осторожно двумя пальцами, как ядовитую сколопендру, тонкую заколку для волос.

– Да, – прошептала она.

– А потом?

– Я должна выпустить вот этого жука, – ответила она, ее пальцы легли на пояс с большими кармашками.

– И все?

Она поняла правильно и пролепетала:

– ...взять все, что у вас есть, спрятаться и ждать, когда барон прибудет лично.

Я медленно опустил нож. Она смотрела глазами загнанного в угол и затравленного зверька, мелкого и жалкого. Я оглядел ее с головы до ног, скривился.

– И что же, он решил, что у меня такие вкусы?.. Какой дурак! Ладно, выпускай жука.

Она вздрогнула.

– Господин?

– Выпускай, – повторил я. – Или выпущу я...

– Я сама, – сказала он поспешно, – вы его раздавите. Он такой нежный...

Я внимательно смотрел, как она открыла кармашек, там заскреблось, на краешек вылез продолговатый золотистый

жук с тонким телом, приподнял жесткие надкрылья. Развернулись и завибрировали тонкие прозрачные крылышки, жук подпрыгнул и с грозным ревом резко сорвался с места.

Мы оба смотрели вслед, я поинтересовался:

– И когда придет барон?

– До замка не больше двух часов, – сообщила она. – Кони уже ждут оседланные. Он помчится сразу же.

– А сколько лететь жуку?.. Впрочем, пару часов у нас точно есть. Подождем. Дурак должен понять, что сглупил, полагая, будто клюну на такую корову.

Она судорожно вздохнула, спросила просяще:

– А какую было нужно?

– Я человек одухотворенный, – отрезал я, – тонкий, интеллигентный. Такое вымя – оскорбление для ценителя прекрасного, это для меня значит. И задница... втроем обхватывать?.. И губы как олады... Я ж, скорее, нефетитист, чем рембрантец. Ладно, пока не убью. Но и отпустить не могу, а то сообщишь о провале. Какую-то другую гадость подготовят.

Она сказала поспешно:

– Я никому не скажу!

– Конечно, – сказал я зловеще, – не скажешь. Я приму меры.

Она в ужасе сжалась, роскошная грудь начала резко уменьшаться, полнота губ сошла на нет, я смотрел и не верил глазам, как она быстро превращается в худосочную, за-

моренную, с мелкой грудью и узкими мальчишескими бедрами женщину-подростка. Даже щеки аристократично западали, шея вытянулась, а ключицы резко выступили под бледной кожей.

– Все равно свяжу, – сказал я. – Даже вот такую.

Она быстро закивала, соглашаясь со всем, только бы не ножом по горлу. Сама протянула руки и скрестила тонкие кисти, чтобы мне было удобнее. Я связал крепко и немилосердно, хотя уже понимаю, при таком уровне превращения может выскользнуть из любых пут. Но не знает, что мое чувство опасности никогда не спит.

– Во имя Господа, – сказал я и, наложив узел, перекрестил его. – Да не выпустишь ты никого без моей воли или воли Того, кто создал мир. Аминь!

– Господин...

– Ну? – спросил я грозно.

– Вы меня точно убьете?

– Посмотрим, – ответил я раздраженно. – Тебя как зовут?

– Адель, господин...

– Заткнись, Адель, – посоветовал я. – А то просто придушу.

Она так и не освободилась от пут, уж и не знаю, то ли в самом деле сработали мои слова чего-то вроде молитвы, то ли мое заверение, что ей будет плохо, если попытается удрать.

Напряжение заставляло меня ерзать задницей по камням, я крепился, но все-таки ерзал. Несколько раз слышал стук копыт, но всякий раз оказывалось, что чудится. Наконец в самом деле донесся приближающийся звон подков по твердой земле. Я повел плечами, послышался хруст заспавшихся суставов.

Солнце уже зашло, быстро темнеет, на фоне фиолетового неба с первыми звездами трое всадников вынырнули из-за поворота дороги как-то неожиданно резво. Все в доспехах, но без шлемов, ветер треплет волосы, лица беспечные. Я поднял лук, напоминая себе снова и снова, что это враги, замыслили меня убить вот так подлю и неспортивно. И хотя приказ отдал вон тот, который впереди, но те двое не простые вассалы, а доверенные лица.

Все трое начали замедлять бег коней, я подивился, с какой точностью они определяют место, словно тот жук влез в ухо барону и нашептывает, куда ехать и где остановиться.

– Зверей бьют и в спину, – напомнил я себе. – И потому не жмись.

Они проехали мимо, я вскинул лук и быстро выстрелил. Еще две стрелы пошли следом, передний всадник вздрогнул и почти подпрыгнул в седле. Двое вассалов упали на конские шеи и пытались удержаться, но быстро сползли на землю.

Я оглянулся на бледную женщину.

– Попытаешься сбежать, найду и убью!

– Нет-нет, господин...

Оставив лук, я с обнаженным мечом выбежал на дорогу. Один всадник лежит недвижимо, второй пытается ползти, однако ноги не слушаются, а барон сумел подняться в сидячее положение и с перекошенным от боли лицом тащит из груди окровавленный наконечник. У ног лежит обломанная часть с оперением.

Я резко ткнул острием меча в выемку между кирасой и подбородком, но остановил руку в момент, когда кончик пропорол там кожу.

– Зачем? – потребовал я.

Барон, крепкий мужик звероватого вида, посмотрел угрюмо и злобно.

– Без нас, – прогудел он, – тебе не удержаться в герцогстве. Ты не Хорнельдон и не его потомок.

– Может быть, – согласился я, – но куклой у вас становиться тоже не очень хочется. Или можешь предложить что-то получше?

Он на мгновение опешил, слишком быстро я понял, что он хочет сказать дальше, после паузы сказал:

– Я принесу вассальную присягу...

– Поздно, – ответил я. – От таких не принимаю.

– Но ты сам стрелял в спины!

Я кивнул.

– Вообще-то и лук церковь запрещает использовать против людей. Его можно только для охоты. Так что все дело в том, где провести грань... Я тоже, как понимаешь, отодви-

гаю грань, как мне удобнее.

Он сказал с надеждой:

– Тогда мы сможем договориться...

– Моя грань не настолько гибкая, – сообщил я.

Острие меча вошло быстро и почти без сопротивления, пока не уперлось в шейные позвонки. Кровь хлынула бурно, я отпрыгнул с мечом в руке, а барон повалился навзничь. Выждав чуть, я обшарил карманы, пояса и седельные сумы всех троих, расседлал их коней и пошел к тому месту, где оставил связанную женщину.

В темноте белеет ее тело, она как легла по моему приказу, так почти и не пошевелилась, только платье каким-то образом задралось выше колен, белых и полных.

– Господин, – прошелестел ее голос, – вы... целы?

– А что, – спросил я, – твой хозяин был крут? Ладно, молчи. А то снова услышу про первого воина в деревне.

Я разрезал путы на ее руках, она сразу же прошебетала:

– Я соберу веток для костра?

– В такой темноте? – спросил я. – Глаза выколешь.

– Я... вижу.

– Тогда собирай, – разрешил я, ничуть не удивившись.

Пес, донельзя довольный, с шумом носился через кусты, опрокидывал коряги. За ним везде шум и треск, но ухитрялся ловить зверей, а кого-то и вовсе вытаскивал из нор, морда в земле по самые уши, приносил и ждал одобрения, пока я не сказал строго, что у нас тут не склад в ожидании похода

целого войска.

Я мог бы, конечно, насоздавать еды, но хватит и того, что об этом знают некоторые лорды. Они «свои», у кого-то амулетик, который не стоит показывать церкви, у кого-то талисман, что-то вызывающий, у кто-то и сам умеет больше, чем человеку положено.

Адель умело распотрошила оленя, опасливо нахваливая Пса. Он принял из ее руки требуху и жадно слопал, после чего лег и стал терпеливо ждать, когда же будет готово восхитительное жареное мясо.

Огонь угас, оставив россыпь крупных багровых углей. Последнее дымящее полено она выбросила, Бобик тут же сбежал, принес обратно и принялся тыкать горящим концом в руки Адель, предлагая продолжить великолепную игру.

Запах жареного мяса становился все сильнее, я смотрел и видел там лицо Илларианы, сердце начинало сжиматься болью. Лег и, закинув руки за голову, начал смотреть на звезды, кое-где проглядывающие сквозь темные ветви.

Увы, и там смутный овал ее милого лица со звездными глазами...

– Мой господин, – послышался воркующий голос, – вам прожаренное на прутьях или на камнях?

– Без разницы, – буркнул я. – Уже готово?

– Да. Вот попробуйте это...

Запах щекочет ноздри, во рту помимо воли появилась слюна. Я взял из ее руки прут с нанизанными кусками ко-

ричного мяса, исходящего паром, с нежно прожаренной корочкой.

Зубы вонзились с хрустом, сладкий сок брызнул на язык, ожег нёбо. Я начал пожирать с энтузиазмом голодного волка, мрачные мысли сами по себе, аппетит тоже сам по себе. Хотя кусок, как говорится, не лезет в горло, но он все-таки лезет, да еще как лезет, а на выходе из пищевода его хватают и жадно принимают в переработку, бросают в море желудочного сока и готовятся поймать на лету следующий.

Адель ела неторопливо, с деревенской жеманностью, поводила плечиками и откусывала по чуть-чуть, зато так удавалось чаще демонстрировать ровные жемчужно-белые зубки и красный сочный рот.

Я сделал вид, что у меня в седельной сумке кувшин с вином, принес и разлил по двум глиняным чашам. Адель мелко хихикала, строила глазки, пила понемножку, но быстро пьянела.

Меня вино не берет, мое проклятие, забыться никак, горечь из сердца не вымыть, я пил мрачно, смотрел тупо в багровые угли, где в их глубине часто бегают крохотные огненные человечки.

Адель начала ежиться, вздрагивать и обхватывать себя за плечи. Я наконец обратил на нее внимание, покачал головой.

– Ага, теперь мерзнешь?.. Надо было не терять мясо с костей. Чем пышнее формы, тем теплее. Женщины в теле не так мерзнут.

Она торопливо кивнула, сосредоточилась, нахмурила бровки и даже закусила верхнюю губу, вид комичный и сиротливый. Очень медленно начала напухать грудь, на боках появились складочки, ключицы так и остались, разве что не так резко выпячиваются, бедра раздвинулись...

Все это время она не сводила с меня вопрошающего взгляда. Я понял правильно, мол, скажешь, когда хватит, но я мудро сделал вид, что не понял, и только когда формы начали превосходить те, в которых она появилась, я спохватился:

– Стоп-стоп!.. Ты куда разогналась? Уже не замерзнешь. Давай ложись. Вон укройся одеялом.

Не понимаю, почему после такой ночи, в общем-то обычной, женщины воображают, что у них появляется над нами какая-то власть или хотя бы рычаги влияния. Эта с утра цветет, чирикает довольно, расчесывает волосы, вообще-то длинные и блестящие, смотрит лукаво, будто между нами что-то произошло важное, а не слегка повязались среди ночи.

– Мой господин, – проворковала она, почти пропела, – мне вернуться... в худую?

Я пребывал в сумрачном состоянии, вытеснить или как-то сделать образ Илларианы менее ярким не удалось, все равно вижу ее серьезное лицо и укоряющие глаза.

– Не стоит, – ответил я равнодушно. – Хотя, как хочешь.

– Но мне показалось, вам так удобнее.

– Да нам все удобно, – буркнул я. – Для людей с воображением так и вообще никаких проблем.

Она победно улыбнулась, мужчины вообще-то существа бесхитростные, наши уловки всегда просты, нас может раскусить даже ребенок, если ребенок самочка.

Пес снова бежит впереди, Зайчик идет ровным галопом, женщина сидит за моей спиной, прижалась грудью, я прямо чувствую, как она время от времени меняется в размерах и плотности.

Когда добрались до развилки дорог, я остановил коня и спустил ее на землю. Она вспикнула, откинула голову назад и с изумлением смотрела мне в лицо.

– Ваша светлость?

Я протянул руку в сторону виднеющихся домиков среди роскошных садов.

– Это твое село?

– Да, ваша светлость, – проговорила она с настороженностью в голосе. – Вы угадали...

– Топай, – велел я безапелляционно. – Тебя родители ждали.

Она стояла ошарашенная, обескураженная, все надежды и честолюбивые планы рухнули разом. Я повернул коня в сторону Альтенбаумбурга, арбогастр уже сделал первый прыжок, когда за спиной раздался горестный вскрик:

– Ваша светлость, мой хозяин вами убит! Можно мне перейти в ваши слуги?

Из меня лезло автоматическое «нет», потом неожиданно для самого себя ответил:

– Можешь.

Зайчик рванулся с места в карьер, стены Альтенбаумбурга начали быстро приближаться. Я некоторое время вяло удивлялся себе, не сглупил ли, зачем мне такая, клин клином не вышибешь, да еще таким, но уже впереди выросли ворота, Бобик выбежал вперед и требовательно гавкнул, и все недостойные герцога мысли выпорхнули из головы, как вспугнутые воробы.

Вообще-то Темная Фея выполняла для человечества нужную и важную работу. Особо закосневшие преступники, злодеи и сволочи исчезали из этого мира просто и незаметно. По ночам, когда все спят. Потому никто и не поднимал тревогу. Проще подумать, что такой-то ночью проснулся и куда-то ушел, что придумывать сложные построения наподобие Темного Мира.

Правда, если бы там все и оставались, было бы прекрасно. Несмотря даже на то, что в так называемых исправительных учреждениях никто не исправляется, а только повышает квалификацию. Фиг с ними, пусть там уживаются, как хотят. Ссылали же в Америку, а потом в Австралию одних отпетых каторжников, а какие общества насоздавали!

Беда в том, что у кого-то на той стороне появилась идея совершить массовый побег. На эту сторону. И захватить власть над мирными и толстенькими обывателями. Но дол-

гие годы, а то и столетия-тысячелетия это оставалось только сладостной мечтой, пока с этой стороны тоже не начали долбить стену.

Да, я вроде бы решил проблему в своем духе. Перевоспитал их всех разом и отпустил на свободу, как говорится, с чистой совестью. Угроза вторжения не просто миновала, а... исчезла. Ввиду исчезновения армии вторгателей, а заодно и самого мира, откуда бы вторглись.

Однако это значит, что те наиболее темные личности останутся здесь даже в самую темную ночь и даже в полнолуние. А это еще значит, что инквизиции работы прибавится. Как и палачам.

Глава 4

Артур Шницлер появился немедленно, однако вошел в кабинет тихо и не делая резких движений, вдруг да вспугнет важную мысль сюзерена. Всегда собранный, настороженный и с недоверчивыми глазами, он показался мне больше смахивающим на духовника, чем на управителя хозяйством.

Я поднял голову от бумаг на столе. Шницлер остановился и уставился в меня немигающими глазами.

– Ваша светлость...

– Та-а-ак, – произнес я, – чего это я тебя вызвал...

– Мне это неизвестно, – сообщил он.

Я потер ладонью лоб.

– Что я хотел... ага, вот!.. Я сегодня отбываю по важным делам.

Он спросил быстро:

– Надолго?.. Простите я должен знать, чтобы...

– Просто отбываю, – повторил я веско, – по делам. Ты должен вести хозяйство так, словно моя светлость отлучилась очень надолго, однако... будь готов к тому, что могу вернуться в любой момент. Вернуться и потребовать отчет, что ты тут натворил.

Он ответил с поклоном.

– Все понятно, ваша светлость.

– Не мечтай обворовать, – сказал я с угрозой, – и сбежать.

Здесь должны понять, что такой орел и под водой найдет. И в земных норах. Марселю я уже сказал все необходимое. Вы с ним... эта, взаимодействуете?

– Даже дружим, – заверил он.

– Это хорошо, – сказал я и пояснил: – Я это учитывал, когда назначал тебя управляющим... лишь бы теперь ты не задрал нос.

Он сказал торопливо:

– Ваша светлость! Мы знаем, с вами не задерешь.

– Вот и хорошо, – ответил я, – оставайся на хозяйстве, но помни, я все вижу. Теперь иди.

Он повернулся и быстро дошел, почти добежал до двери, но там обернулся и, неслыханная дерзость, спросил настоятельно:

– Ваша светлость... вы отбудете по делам как герцог Альтенбаумбурга? Или снова, аки странствующий рыцарь?

Я посмотрел на него строго.

– Хочешь спросить, еду открыто под рев труб или же исчезну тайно, подобно ночному вору?

– Ваша светлость, – ответил он уклончиво, – это очень важно.

Я сказал веско:

– У вас был необычный герцог. Так ведь?

– Так...

– И теперь у вас тоже хозяин не совсем простой, – сообщил я. – Потому не задавайте лишних вопросов. И ничему

особо не удивляйтесь. Я могу покидать крепость под взмахи платочков и слезы юных дев, но могу и незаметно. Главное, Артур, я вернусь!.. И спрошу, кто как себя вел и в чей колодец плевал.

Он поклонился, толчком натренированного зада открыл дверь и скрылся на той стороне.

После его ухода я позволил сойти с лица беспечному выражению сильного и уверенного в себе человека. Герцогство нужно покинуть срочно, слишком все напоминает об Иллариане, здесь точно сойду с ума. Все время вижу ее в залах, на веранде, на вершине башенок, чудится ее чистый детский смех, ловлю непередаваемый запах ее волос...

Но ехать к побережью и ждать Ордоньеса – долго. Можно, конечно, отправить с ним только арбогастра и Адского Пса, а самому махнуть в Сен-Мари на крыльях, но неизвестно еще, согласятся ли мои четвероногие друзья слушаться посторонних, даже если я им сам прикажу строго-настрога.

Можно, конечно, попробовать челночное управление: слетать в Гандерсгейм, показаться, поучаствовать в военном совете и принять участие в одном из сражений, затем вернуться в Альтенбаумбург...

Я все-таки не готов и не могу принять, что женщина пожертвовала своим счастьем для меня. Мы все еще эгоисты, гордимся, что можем ради женщины пожертвовать многим, а то и всем, вот такие мы широкие, бесшабашные, замечательные, но когда ради нас жертвует женщина – это дико и

противоестественно. Такое вообще нас оскорбляет и заставляет чувствовать себя менее могущественными и как бы не полными властелинами вселенной.

Пес бодро примчался на свист, едва не проломив стену, а конюхи сделали вид, что вывели моего коня, когда он вышел степенно, держа их висящими на удилах по обе стороны его умной аристократической морды.

– Вот что, зверюки, – сказал я, – давайте-ка проверим одну идею...

Воздух горячий, я ощутил, что начинаю обливаться потом, едва мы миновали ворота Альтенбаумбурга. Горячий и непривычно плотный, если встречный ветер сорвет с меня сюрко, оно повиснет, раскинув полы крыльев, и будут опускаться медленно-медленно, успею съездить по делам, вернуться и подхватить раньше, чем коснется накаленной земли.

Пес мчится с распахнутой во всю ширь пастью и высунутым языком. Похоже, у него, как и вообще у собак, кожа не пропускает воду, потому приходится вот так с высунутым языком, в то время как арбогастр мчится ровно, словно нет никакой жары... Хотя вообще-то, если вспомнить, из какого ада я его отнял...

Дорога вывела в безлюдную местность, я начал придерживать Зайчика, по сторонам осматривался на случай, вдруг кто видит, куда мы отправились.

Арбогастр сочувствующе сопит, чувствует мое состояние, даже беспечный Пес перестал шарить по кустам и держится рядом, поглядывает с вопросом в глазах: а ты нас любишь?

— Люблю, — ответил я со вздохом. — Я вас очень люблю. Вы мои самые замечательные... А я — ваш.

Выбравшись в небольшую дикую рощу, я оставил Зайчика и Пса в тени раскидистого ясеня, велел ждать, скоро приду, а сам перебежал через ближайший гребень и, спустившись на дно каменистой котловины, велел себе превратиться в огромного дракона. Самого огромного из тех, кто может подняться на предельную высоту, где воздух разрежен, и ни одна живая тварь уже туда не может, и чтоб скорость мог развить небывалую.

Беспамятство длилось тревожно долго, а я уже надеялся, что с каждым превращением сокращаю этот период, наконец зрение очистилось, земля подо мной отодвинулась, лапы длинные, тело не совсем драконье, у тех не бывает таких великанских крыльев, сейчас я совершенное существо для полета, не слишком приспособленное для боя, зато могу лететь с такой скоростью, как никогда не летал.

Надо будет засечь время, за которое домчусь до Гандерсгейма...

Красивый, могучий и величественный, я поднимался мощными рывками, пока только вверх, хочется сперва окинуть взглядом всю Вестготию или хотя бы ее большую часть, чтобы потом составить самую точную карту.

Воздух все прохладнее, земля внизу уменьшается просто стремительно. Дерево, под которым ждут меня арбогастр и Адский Пес, превратилось в былинку, затем в едва различимую травинку, потом облачный покров полностью скрыл все внизу, а я продолжал подниматься, хотя ощутил, как воздух в самом деле становится все реже, а опоры для крыльев здесь меньше.

Жаркое солнце яростно жжет сравнимые по прочности с титановой броней щитки на спине и шее, мир прекрасен, я всемогущ, сейчас рванусь по горизонтали быстрый, как молния, и несокрушимый, как горная лавина...

Страшный и леденяще внезапный удар обрушился сверху. Резкая боль пронзила все тело. Пасть моя раскрылась для рева и осталась в таком положении: тело не слушается. Я снова попытался вскрикнуть, воздух начал стремительно уноситься вверх со всех сторон, я с ужасом ощутил, что падаю.

Земля и небо замелькали, быстро сменяя друг друга. Крылья рвет ветром, кости трещат, острая боль терзает тело все сильнее. Я пытался пошевелить хотя бы пальцем, но онемевшее и чужое тело не откликнулось...

Паника ударила в голову с силой молота: никакая регенерация не просыпается при перебитом позвоночнике, я закрыл глаза и попытался сквозь боль и страх пробудить ее усилием воли, увы, в ответ только боль и полностью парализованное тело.

Страх и обреченность часто-часто стучали в мозг, как ост-

рые молоточки. С этой высоты упади хоть на перину – разобьюсь, как переспелая груша. Лапы, голова, чешуя разлетятся при ударе на полмили. Неведомый удар с высоты пришелся в середину позвоночника. Спинной мозг перебит или вообще разорван на две части, это значит, ни крыльями, ни лапами уже не шелохну.

Отчаянная жажда жизни, не человеческая, а древняя инстинктивная, потрянула и заставила лихорадочно искать хоть что-то для выживания, ну хоть ничтожный шанс.

Я видел приближающуюся землю и понимал с тупой обреченностью, что таких шансов нет. Лес еще выглядит мшистым темно-зеленым болотом, но меня легонько сносит правее, а там желтая проплешина, что отсюда выглядит почти как пляж, но это каменистая насыпь...

До земли осталось меньше расстояния, чем я уже пролетел камнем, когда новая бешеная надежда ударила в мозг: а если попытаться превратиться прямо в падении?.. Именно в той части, что все еще связана с мозгом?

Я хрипел, стонал, шипел бессильно, ничего не происходит, я все тот же живой труп, падающий на острые скалы, что пронизуют мое огромное грузное тело, как острия пик... Острая боль наконец затопила сознание, я чувствовал, как тьма захлестывает меня всего, это можно рассматривать, как спасение – умереть еще до страшного удара о землю...

Тело мое слабо трепыхнулось, я задергался в отчаянной надежде, меня трижды перевернуло, свирепый ветер начал

выламывать крылья. Я не рискнул их растопырить во всю ширь, только осторожно выдвигал чуть-чуть, усиливая нагрузку, еще не понимая, почему они такие слабенькие... но я и сам уже настоящая мелочь, если сравнивать с тем могучим драконом, что сейчас в виде тучи песка и камней падает, сильно опережая меня, на каменное плоскогорье.

Тело еще визжит от боли, хотя, как мне показалось, на это хилое тело птеродактиля хватило материала только из огромной и массивной головы дракона. Ее неведомый удар с высоты не затронул, а тело великолепного дракона уже ничто не спасет...

Суставы трещат, я задержал дыхание и, собрав все силы, продолжал выдвигать крылья. Земля приближается слишком быстро, уже различаю даже мелкие камешки, еще чуть...

Падение камнем превратилось в падение планированием, я хрипел, стонал, регенерация сейчас спасает выворачиваемые встречным ветром плечевые суставы. Земля пугающе летит навстречу, я растопырил крылья, там треснуло, стегнула острая боль, меня понесло по дуге.

Я поджал лапы, больно чиркнуло животом по земле, я почти продолжил взлет, но силы кончились, я захрипел и упал с мертвыми крыльями.

Удар с высоты своего роста совсем не удар, меня распластало на спине, бесстыдно брюхом кверху, совсем не по-птеродактильи, так можно бросить только мертвого, но я лежал и часто-часто дышал, а вопящее от боли тело спешно зажив-

ляет переломы, порванные связки, ушибы, рассасывает гематомы, насыщает кровь кислородом.

Наконец я застонал, перевернулся на брюхо. Там сейчас длинный багровый шрам от раны, ее получил, когда задел землю, но боль уходит, мозг очищается. Непонятно, что меня так садануло сверху. Я всегда считал, что спина у меня самое защищенное место, так как смотрю обычно вперед и вниз, а если кто вздумает напасть сверху, пусть обломает зубы о костяные плиты особой прочности.

Однако некто могучий ударил именно в это самое защищенное место, словно для него все едино: комара прибить или дракона. Теперь могу смутно вспомнить, как в доли секунды нечто снесло толстые шипы гребня, проломило все перестроенные плиты защитной брони, как если бы толстой палкой кто-то решил испытать на прочность яичную скорлупу куриного яйца, прожгло колодец в мышцах спины и безжалостно рассекло спинной мозг надвое, не замечая даже, что он защищен прочными кольцами позвонков.

За спиной раздались грохот, частое сопение. Я в ужасе начал поворачиваться, уже чувствуя, что не успеваю. На меня обрушилось нечто огромное, тяжелое, прижало к земле. Я жалко каркнул, огромная красная пасть с острыми как ножи зубами щелкнула ими перед моим носом, а длинный язык с чмоканьем облизал мне морду так, что залепил глаза.

Я всхлипнул, едва не потеряв сознание от невероятного облегчения.

Через пару минут, уже вернувшись в тело человека, я обнял Бобика, примирительно улыбнулся внимательно рассматривающему нас арбогастру.

Он фыркнул, мотнул головой. Я сказал торопливо:

– Простите меня, дурака!.. Таился от вас, прятался, все в тайне... Как не пришло в голову, что вы меня узнаете под любой шкурой! И любите в любом облике, вы не люди какие-то!.. Ну что я за дурак...

Бобик все норовил облизать уже и в людской личине, потому что в прежней не считается.

– Возвращаемся, – сказал я. – Я сильно ударился головой... и теперь она полна идей.

Глава 5

В распахнутые ворота Альтенбаумбурга я въехал по-лорды: в одной руке повод, другая горделиво уперта в бок, а сам слегка откинут корпусом назад, чтобы всех оглядывать снисходительно и свысока, однако чувствовал себя по-прежнему жалко.

Когда-то посмеивался над всякими психологическими травмами, фигня какая-то, бывают только физические, остальное все придуманное, но сейчас даже на Зайчике сидел с опаской и все посматривал наверх, втягивая голову в плечи, вдруг да поняли, что я все-таки уцелел, решат добить.

Среди выбежавших навстречу слуг узнал и Адель, чистенькая и сияющая, с румяной мордочкой и зовущими глазами, торопливо опустилась на колени, не опуская головы.

– Мой лорд...

– Ты уже здесь? – удивился я. – Ладно, скажи Артуру Шницлеру, это здешний управитель, пусть устроит. У него мало челяди, любимчики разбежались после гибели их хозяина.

Она поднялась с колен и вскинула сияющие глазки. От улыбки сразу образовались милые ямочки на щеках.

– Уже сказала, – прощепетала она. – Он дал мне место и работу.

– Ага, – сказал я, но не стал спрашивать, что за место и

что за работа, не лордые дело интересоваться такими мелочами, – ну да, ты же шустрая.

Стараясь не смотреть в низкий вырез ее платья, я соскочил на землю, бросил повод конюхам и отправился в донжон. Одного из стражей отправил на склад, велел принести крепкие веревки и широкие кожаные ремни.

Бобик забежал в мои покои первым, сделал круг и выбежал, сообщив на своем языке, что надо проверить, не разленился ли народ на кухне, за ними тоже нужен глаз да глаз.

– Иди-иди, – сказал я вдогонку, – набирайся сил. Они тебе понадобятся. Еще как!

Я едва успел забросить в желудок пару ломтей буженины и кусок козьего сыра, как в коридоре послышались тяжелые шаги, я с сожалением отказался от чашки кофе.

Вошли, нагруженные мотками веревок и ремнями, двое из челяди, за ними сам управитель, демонстрируя рвение, с двумя большими мешками под мышкой.

Я указал на пол, оба осторожно и аккуратно сложили, на их лицах сдерживающее недоумение, но уже знают: у нового лорда даже причуды не причуды, а нечто важное и очень нужное.

Артур спросил почтительно:

– Ваша светлость, такие веревки?

Я оглядел, кивнул.

– Да, подойдут. Зачем?.. Ну это же понятно! Ночью превращу в змей. Пусть ползают по крепости и подсматривают,

кто и что делает непотребное. И подслушивают!

Он отшатнулся в испуге.

– Ваша светлость!

– А что? – спросил я хладнокровно. – Это же так интересно... Ладно, я пошутил. Хотя было бы интересно, как думаешь?

Он вздрогнул.

– Интересно, ваша светлость... но так делать нехорошо.

– Ого, – сказал я, – так ты, выходит, человек с принципами? Так жить труднее, но достойнее. Хорошо, Артур, тем спокойнее оставляю крепость в твоём управлении. Не полном, конечно. Не забывай, у Марсея свои немалые обязанности.

– А ремни?

– Подойдут, – заверил я. – Складывайте в мешок.

Пока они заталкивали веревки и ремни в мешки, я быстро сотворил за их спинами чашку горячего крепкого кофе, выпил, обжигая глотку, чашку швырнул в окно.

Управитель косил глазом, зачувяв незнакомый дразнящий запах, но промолчал, тщательно завязал мешки, а челядины вскинули их на плечи.

– За мной! – велел я.

Во дворе Пес носится с довольной мордой, на кухне как будто ждали его прихода, посмотрел на меня и ринулся в распахнутые ворота конюшни.

Арбогастра вывели, что-то пережевывающего на ходу хру-

стящее. Судя по напряженным лицам конюхов, зубы разма-
лывают явно не зерна овса.

Я жестом велел прикрепить мешки по обе стороны седла. Артур Шницлер наблюдал серьезными глазами, сдержанный и с непроницаемым лицом.

Пес прыгал вокруг и пытался стащить мешки на землю, будто догадывался, что я придумал.

Я сказал громко:

– Какое-то время меня здесь не будет. Но прослежу за всем, что здесь происходит!.. И если что пойдет не так, явлюсь немедленно и страшно покараю всех, кто осмелился. Да, кто осмелился. Помните, я добр и милостив, но... страшен в гневе!

Исократ, учитель Демосфена, в свое время советовал правителю: не делай ничего в гневе, однако делай вид, что весьма раздражен, когда тебе это удобно.

Я ни разу не показал в Альтенбаумбурге свое раздражение, но, думаю, необходимости нет: моя страшная слава, как уверяют со всех сторон, бежит впереди меня. Так что, думаю, никто не осмелится ни посягнуть на мои земли, ни на мои права сюзерена.

Арбогастр несется почти по прямой, и хотя трижды доро-
гу пытались загородить широкие трещины, но Пес лихо перепрыгивал с разгону, сердце мое почти обрывалось и падало в голенища сапог, Зайчик тоже с такой силой отталкивал-

ся от земли, что меня едва не сдувало, хотя я и вцеплялся, как голодный клещ.

Крутые склоны нас не останавливали, я уже видел вдали тот самый Край, за которым внизу в страшной пропасти расположились земли Сен-Мари, однако дальше дорогу загородили огромные камни.

До Края еще мили две, на коне не проехать, даже на таком. Правда, как-то должны были пробраться Вильярд, Алонсия, Боудеррия и маг Дреслер, но это уже их проблемы... хотя, конечно, пешком пройти, где протискиваясь между этими чудовищными глыбами, где перелезая поверху, не так уж и смертельно.

Я соскочил на землю, Бобик с интересом смотрел, как я снимаю мешки и вытаскиваю из них веревки и широкие ремни, ринулся помогать и, ухватив второй мешок, побежал с ним, взбрыкивая, как молодой козленок.

– Стоп, – крикнул я строго. – Неси обратно! Это не игрушки.

Он смотрел с обидой, вообще-то все на свете – игрушки, как это я не понимаю такой простой вещи.

– Да понимаю, – ответил я, – понимаю. Если бы люди не превращали все в игрушки и в хи-хи, давно с ума бы посходили. Но сейчас я серьезен, как сова в дупле.

Арбогастр смотрел с недоумением, когда я поддел под его брюхо широкие ремни, один под грудь, а на спине завязал что-то вроде красивого праздничного банта.

Бобик вертелся, брался помогать мне, хватая зубами ремни и дергая в разные стороны, наконец я и его увязал, все время повторяя, что теперь он красивый, вон Зайчик с ума сходит от зависти.

На этот раз я не стал прятаться, просто отошел в сторонку и, присев к земле, начал представлять, как становлюсь драконом средних размеров, без толстых плит защиты на спине, зато с надежными крепкими крыльями.

Когда зрение очистилось, увидел, что арбогастр и Бобик смотрят все-таки с беспокойством, Бобик даже отступил на несколько шагов.

Я улыбнулся им. Бобик зарычал и отступил еще дальше.
– Это я, – проскрипел я непослушным голосом, – и это ненадолго...

Толчок, меня вскинуло в воздух, сразу же трусливо посмотрел на безоблачное небо. В синеве неспешно плывет, лениво помахивая косыми крыльями, стая гусей. Не догадываются, что некая сила наверху косвенно защищает их от крылатых чудовищ. Или же защищает себя, чтобы никто не поднялся в запретные высоты, но все равно страшно даже здесь.

Я сделал круг, снизился, арбогастр при моем приближении инстинктивно сделал скачок в сторону, но я ухитрился ухватить когтями за торчащие кверху петли над их спинами. Непомерная тяжесть дернула меня книзу, Бобик взвыл дурным голосом. Я стиснул челюсти, рванулся изо всех сил и, оторвавшись с грузом от земли, поплыл над россыпью кам-

ней.

В черепе стучит только одна мысль: надо было строить крылья еще шире. Не дотяну, уже кости трещат, и сухожилия вот-вот порвутся...

Внизу проплывает россыпь острых глыб, Край приближается медленно, я задержал дыхание и судорожно работал мышцами. Впереди открылась бездна, я из последних сил сделал отчаянный рывок и, распластав ноющие крылья, перешел в планирующий полет.

Бобик завизжал над бездной, арбогастр нервно фыркал, их раскачивает, я выждал, всматриваясь, как далеко внизу поверхность зеленого болота превращается в лес, снова с усилием ударил усталыми крыльями о воздух.

Нас опускает чересчур быстро, но опускаться – не карабкаться с грузом вверх, я пыхтел, стонал, взревывал, земля перестала мчаться навстречу, а приближается медленно и величаво.

Когда до нее осталось совсем немного, я выложился, почти завис над россыпью камней и опустил свой груз предельно нежно. Сам упал на камни рядом, отсапывался, чувствуя, как мощно бьется огромное сердце, потом решился на обратную метаморфозу.

Голова чуть не лопнула, поторопился, но вылез из кучи песка на большой валун, сердце радостно трепыхнулось: арбогастр взобрался на обломок скалы и осматривается, а Бобик с рычанием грызет ремни, обхватившие его могучую

грудь.

– Морды, – сказал я с чувством, – как же я вас люблю!

Мы на россыпи камней, с отвесной стены Края все-таки за тысячелетия нападало достаточно, чтобы здесь никто не жил и вообще сюда никто не приближался. Камни с острыми гранями, блестящие, еще не обкатанные ветром, дождями и ливнями.

Чуть дальше из-под таких глыб кое-где торчат черные обработанные камни, я не сразу признал надгробные. Древнее кладбище завалено этими обломками почти полностью, только верхушки самых высоких еще видны, да кое-где заметны сферические купола склепов.

Веревки и ремни я оставил на камнях, в седельном мешке только черная корона да цепочка со странным медальоном, которую снял с груди убитой женщины-змеи. А еще россыпь непонятных нагрудных знаков особо отмеченных воинов Темного Мира. Если не считать тех монстров, что проникли в наш мир до того момента, как я вычеркнул его из бытия целиком, это редчайшие реликвии.

Освобожденный Пес прыгает вокруг и смотрит с надеждой: помчимся? Наперегонки?

За спиной гордо и зловеще поднимается к облакам отвесная и угнетающая одним видом стена Края. Понятно, селиться никто здесь не станет, слишком нехорошая земля, одни камни и обломки скал, что свалились когда-то и могут свалиться снова. Здесь они всюду в несколько слоев, крупные и

мелкие, даже цепкой траве не удастся пустить корни.

— Мы почти на месте, — сказал я. — А теперь поторопимся!

Арбогастр недовольно фыркнул, я быстро оглянулся. Из треснувшего купола склепа выбралась наверх и разогнулась, призывно глядя на меня, молодая изящная женщина с нежным, как у белорыбицы, телом. На плечах черный плащ из грубой материи, но под ним ничего лишнего, в разрезе до пояса голая нога, на груди плащ небрежно скреплен двумя крупными пряжками.

Кожа белее, чем у речного сома, никогда не выдавшего солнца, волосы черные, пышные, падают на спину свободно и раскованно. У меня сразу почему-то в воображении они красиво так это раскинулись на подушке.

Женщина взглянула на меня с ожиданием, мужчинам вот так стоит только показаться, дальше все само, эти существа предсказуемы, ничего нового, да и зачем...

Бобик посмотрел на нее абсолютно равнодушно, Зайчик тоже не повел глазом, что значит, в данный момент и в два-три следующих эта красotka не бросится с оскаленными зубами к моему горлу.

— И далеко так спешишь? — спросила она чарующим голосом. — Ты, по всему видно, герой...

— Герой, — согласился я. — Особенно за обедом. И чтоб ложка побольше.

Она уловила сожаление в моем голосе, качнулась всем телом, по нему словно пробежала музыкальная волна.

– По такой жаре, – произнесла она томно, – нужно в тень...

– Ты права, – согласился я.

– Не хочешь отдохнуть?

– Конечно, хочу, – ответил я и посмотрел на нее как на последнюю дуру, как такое не понимает сразу, – еще как!

– Тогда оставь коня в покое, – произнесла она мягко, – у меня там тень и прохлада.

– Эх, дорогая, – ответил я досадой, – если б ты знала, как мне хочется побыть простым, совсем простым зольтатом!.. И, как они говорят, прильнуть к твоим персям, а они, надеюсь, холодняющие?.. И вся ты... прохладненькая? В такую жару самое то... Да еще когда я так разогрелся, что скоро тепловой удар. Но, увы, я уже герцог, а это значит, работы все больше и больше. А я человек, никогда бы не подумал о себе такое, ответственный, представляешь?.. До сих пор сам не могу поверить. Скажи-ка, дорога на Геннегау вниз или вот туда влево?

– Вниз, – ответила она автоматически. – Но на обратном пути можешь заглянуть ко мне. Ты не такой, как все остальные.

– Правда? – спросил я и приосанился, до чего же приятно, когда такой весь из себя необыкновенный, хотя и сам это знаю, но слышать от других всегда приятно.

Она сообщила:

– Необычный ты. Любой другой уже удирал бы с диким

воплем, а то и поседел бы прямо здесь. А ты вот все понял, но даже голос не дрожит...

– Чего пугаться, – возразил я. – Чем ты отличаешься от других?

– Я холодна как лед, – сообщила она.

– В такую жару сойдет, – ответил я в тон. – Сейчас намного противнее бабы жаркие и потные. А что они живые, а ты нет – нам какая разница, если честно? Настоящий мужчина на такие мелочи не обращает внимания. А у тебя и фигура вон просто чудо в нужных местах. Ты и на груди одну пряжку расстегни... Верхнюю, так эротичнее. Нижняя пусть, надо оставить работу воображению... Ладно, надо торопиться, а то без меня таких дров наломают!

Я взобрался в седло, вскинул руку в прощании. Зайчик понял и ринулся большими скачками, но Адский Пес снова ухитрился обогнать, меньшая масса требует меньше времени для разгона.

Про выкопавшуюся из склепа тут же забыл, ей хватило стандартного набора начинающего убалтывателя, дура. Хотя, может быть, и не такая уж и дура, другие же попадают. Почему не сказать в очередной раз, что это я такой хитрый?

Мужчина должен говорить женщине приятное, этого требует учтивость, а порой и сердце... Но клятвы, которые даешь в ночь любви, теряют силу к утру. Нарушение их – грех прощительный... Ведь яблоком нас соблазнила как-никак женщина! А уж что сказал вот таким, кого встречаешь по

дороге... это вообще не считается.

Арбогастр, похоже, выдал наконец-то свою предельную скорость. Или близкую к ней. Мимо мелькают леса, горы, города вообще проносятся вдали как мимолетные призраки, да и не так уж населено королевство, чтобы я хоть где-то пронесся по людным местам. А если кто и увидит издали, то одной легендой о Призрачном всаднике больше, одной меньше.

В стороне остался Тараскон, до него много десятков миль вправо, затем так же миновал Геннегау – до этого десятки миль влево, а мы летим, как стрелы, прямо и прямо.

Могучая крепость Брабанта появилась на горизонте, тут же вжикнула мимо, а я торопливо начал придерживать арбогастра. Это муравей может остановиться моментально, как и с места набирает предельную скорость, но Зайчику пришлось двигаться почти юзом, садясь на круп, еще почти десяток ярдов, а за нами остались четыре глубокие борозды от копыт.

– Мы в Гандерсгейме, – сказал я вслух и ощутил, что некие тиски, сжимающие грудь, медленно отпускают. – Мы почти дома.

Поколебавшись, я соскочил, Бобик тут же подбежал и, сев на толстый зад, начал искательно смотреть мне в лицо: будем играть? Или ловить всяких зверей?

– Ребята, – сказал я с неловкостью, – надо отыскать войско, а вслепую как-то недостойно лорда. Глава похода дол-

жен знать, кто где и почему... Потерпите, сегодня я в последний раз... Бобик, не бойся, летать не будешь...

На этот раз я даже не стал уходить в сторону, присел к земле, касаясь ее кончиками пальцев, а через несколько секунд поднялся уже птеродактилем, худым, костлявым, невзрачным, только с хорошим размахом крыльев. Даже сознание лишь помутилось чуть на миг, но беспамятства не было.

Оба смотрят на меня с укором, я взлетел в небо, начал подниматься, кругозор расширился во все стороны, как круги по воде, и почти сразу я увидел вдали крохотные шатры, скопление повозок, медленнодвигающиеся гусеницы конных или пеших колонн.

Я ругнулся на свою неуверенность, надо было переть дальше, как раз бы прибыл прямо к шатру графа Ришара, его спутать с другими невозможно: и на небольшом возвышении, и самый просторный...

Прошелся на большой высоте, рассматривая, сравнивая, запоминая расположение отрядов. Хотя у нас единое войско, сплоченное одной благородной идеей захвата этих ничейных земель, так как варвары не в счет, но старая феодальная система во всей красе: могучий отряд герцога Ундерлендов благороднейшего сэра Ульриха держится особняком, рядом с ним могучее войско брабандцев, узнаю пурпурное знамя с золотым львом, фамильный герб Валленштейнов...

В центре, естественно, могучее войско армландцев, самое многочисленное и закаленное в боях, оваянное славой, вос-

петое в песнях и внушающее почтительный страх противникам и зависть лордам Сен-Мари. С этой стороны довольно большой отряд рыцарей и пеших воинов королевства, в их составе много арбалетчиков, лучников, компактно держатся копейщики...

Присмотревшись, различил мелкие конные отряды, а то и просто разъезды сэра Норберта, он окружил ими войско на больших расстояниях, перекрыв все возможные пути, никто врасплох не застанет.

Со стороны незанятых территорий движется рыцарский отряд человек в сорок, с ними не меньше сотни тяжеловооруженных всадников. Впереди скачет на покрытой цветной попоной в шахматку пышно разодетый рыцарь. Богатый ярко-красный султан на конском лбу, такой же на шлеме хозяина, доспехи сияют, как солнце, посадка хвастливая, беспечная, полная бравады и веселья.

Подъезжая к группе военачальников, он снял шлем и передал пажу, но я и так узнал бы Арчибальда Вьеннуанского, всегда веселого и белозубого, единственного сына могущественного лорда Чарльза Фуланда, первого из крупных вельмож Сен-Мари, что признал мою власть и отправил ко мне на службу сына.

Я спланировал между деревьями и каменной грядой, постарался под их укрытием пройти как можно дальше на тот случай, если кто увидит приземление небольшого дракончика и вспыхивает желанием прибить для трофея.

Камни загрохотали под лапами, я цыкнул на самого себя, быстро прижался к земле и начал твердить себе, что давай быстрее, еще быстрее...

Снова обошлось без потери сознания, только глаза заволокло пеленой на миг, уже стою на четвереньках и тупо смотрю, как подо мной два муравья старательно тащат полудохлую осу.

Издали донесся частый стук копыт, я перевел дыхание и торопливо взбежал на гребень. Всадник уже близко, веселый и жизнерадостный варвар, молодой, солнце играет на загорелых плечах, на груди болтается цепочка с нанизанными зубами не то волков, не то медведей.

Я оттолкнулся с таким усилием, что мышцы затрещали, скала здесь не совсем вертикальная, всадник скачет по середине дороги, не под стеной...

Он почти миновал меня, когда я обрушился сзади на конский круп, больно ушибся лицом о его затылок, но сразу же ухватил за горло, а другой рукой с силой ударил в висок.

Конь завизжал и, встав на дыбы, попытался сбросить меня себе под задние копыта. Я удержался, тогда он понесся во всю мочь по тропе. Я перехватил повод, степняк болтается передо мной, как тряпичная кукла, кое-как повернул коня и направил его в сторону рыцарского войска.

Он прохрипел:

– Ты... кто?

– Хозяин Гандерсгейма, – ответил я.

Арбогастр и Бобик выметнулись на свист, как два угольно-черных камня, падающие с высокой скалы. Степняк увидел оскаленную пасть Адского Пса, тот мчится рядом и ждет, когда тот соскользнет на землю, охнул и перестал вырывать-ся.

Холм с шатром графа Ришара приближался медленно, конь под нами уже задыхается, не рыцарский, не говоря уже о Зайчике, тот нес бы с легкостью, этот же начал хрипеть еще на подъеме.

Навстречу ринулись легкие всадники охраны, я видел вытаращенные глаза и непомерное удивление на лицах.

Я столкнул пленника на землю перед шатром Ришара. Полог распахнулся, на пороге появился Ришар с весьма недовольным лицом, высокий, загорелый, седые волосы только подчеркивают мужественную красоту лица, как и обилие шрамов.

– Что за шум? – рыкнул он, став еще больше похожим на стареющего, но еще могучего льва. – Кто...

Он осекся, увидев сперва арбогастра в полной сбруе, но с пустым седлом, затем довольного Бобика, тот напрыгнул, напоминая, что Ришар когда-то бросал для него палку.

Граф отшатнулся в непомерном изумлении. Охрана схватила вскочившего пленника, он рвался из их рук, но дюжие воины заломили руки за спину.

Я соскочил с захваченного коня, Ришар ахнул и пошел навстречу. Я не дал ему преклонить колено, обнял, сдвинул,

похлопал по спине.

– Как же хорошо, – вырвалось у меня, – вернуться!

Глава 6

К нам сбегались рыцари, оруженосцы суетливо заскакивали в шатры, там начиналось волнение, судя по колыхающей ткани, выскакивали ошалелые военачальники и вытаращенными глазами смотрели в нашу сторону.

К моему удивлению, первыми подошли Митчелл и Будакер. Митчелл после победы над Сен-Мари спешно вернулся в свои армландские владения заканчивать тяжбы с соседями, а Будакер, который первым привел к Тоннелю свой отряд и отважно сражался в Сен-Мари, после победы точно так же вернулся в свои земли, убедившись, что успешно сломили сопротивление, как варваров, так и королевских войск.

Я обнял их по очереди, в груди защипало. Митчелл неуклюже улыбался во весь рот, даже красивый в своей некрасивости, а Будакер произнес почтительно:

– Ваша светлость...

– Вы первыми явились на мой зов, – прервал я, – и сразу же отбыли по домам, не дожидаясь дележа трофеев. И вот вы снова здесь, как только я протрубил сбор... Но на этот раз вам не скрыться от моей благодарности!

Митчелл развел руками.

– Сэр Ричард, вы и так нас обоих наградили сверх меры. Мои земли в Армландии хороши, у меня лучшая в мире жена, двое прекрасных сыновей... чего еще? Я не свинья ка-

кая-то ненасытная.

— Человек всегда ненасытен, — заметил я, — и должен таким оставаться. Во имя прогресса! Передавай поклон Даниэле. Я с нежностью вспоминаю время в Брабанте...

— ...а я сидел в подземном застенке, — добавил он со смехом.

Нас постепенно окружали наши военачальники, подошел благородный сэр Альвар Зольмс, молодой и с сияющими глазами, чем-то похожий на Арчибальда Вьеннуанского, только не так пышно разодет, он был бы похож на придворного хлыща, если бы не пропеченное солнцем лицо, шрам на скуле и поменьше — на подбородке, за ним ясноглазый Палант, младший сын сэра Гевекса, тут же быстро подошел, словно прыгнул навстречу, хищнолицый сэр Ульрих, виконт Росбент, герой взятия Стального Клыка, на поясе непривычные для рыцаря его ранга два ножа: длинный с узким лезвием, и широкий короткий, сам в удививших меня еще тогда блестящих доспехах, что не просто отражают свет, а странно переливаются, словно созданы из жидкого, но холодного металла.

Взгляд упал на сдержанно улыбающегося сэра Герцлера, я сразу покосился на рукоять его меча: в ножнах вроде бы обычный клинок, да он и самый весьма рядовой днем, однако помню, как ночью освещал дорогу целому отряду, словно бегущая впереди дюжина скороходов с пылающими факелами в руках.

Через головы я заметил стеснительно остановившегося

юного рыцаря в доспехах, но с непокрытый головой. Это очень узкое удлинненное лицо с внимательными синими глазами, длинный нос и красиво очерченные губы ни с чьими не спутать, даже уши вытянутые и заостренные, но не слишком, это он весь удлинненный и заостренный, а уши соответствуют общему дизайну.

– Макс, – крикнул я и помахал ему рукой. – Не хочешь дать обнять себя?

Он поспешно подбежал, довольный и сияющий, что сюзерен обратил внимание, я обнял, отстранил на вытянутые руки и сказал торжественно:

– Кто не знаком с доблестнейшим бароном Максимилианом фон Брандесгертом – спешите подружиться! Этот рыцарь воплощает в себе все достоинства нашего сословия и начисто лишен его недостатков.

Граф Ришар улыбался, но напомнил:

– Наш друг Макс всего лишь виконт. Вы пожаловали ему надел в землях Эльбеф.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

– Как?.. Я же велел составить указ о присвоении титула барона! И подобрать соответствующие владения...

– Не выполнено, – сказал граф Ришар.

Я сказал с досадой:

– Ладно. В Сен-Мари уже мало земель, а здесь много.

Макс сказал стеснительно:

– Ваша светлость, я...

– Сэр Ричард, – прервал я. – Для тебя – сэр Ричард.

Он покраснел от удовольствия, сказал снова:

– Сэр Ричард, мне совсем некогда заниматься хозяйством.

Мне нравится совершенствовать тактику сражений...

– А за все хвататься и не нужно, – заверил я. – Это ты, слишком добросовестный, не можешь передоверить управителям, но – надо. А насчет баронства... для меня ты уже давно барон. За те заслуги... Макс, как я рад тебя видеть!

Он улыбался во весь рот, счастливый и сразу застенчивый, как деревенская девушка. Я посмотрел через его плечо, там скромно держится группа рыцарей, тоже несколько смущенная обилием знатнейших полководцев-военачальников, прославленных героев, что успели блеснуть отвагой и доблестью на просторах Армландии и Сен-Мари – рыцари Вестготии.

– Граф, – сказал я вполголоса Ричарду, – вы как с ними?

– Вроде бы хорошо, – пробормотал он. – Берег здесь близко, им не пришлось совершать утомительный поход из Брабанта, как выпало нам. Вчера прямо к побережью прибыл корабль адмирала Ордоньеса, это близко. Сегодня еще корабль, заполненный так, что мы видели одни мачты. Рыцарям Вестготии сейчас указывают, где расположиться на ночь. Ожидаем еще героев... Дичатся, как будто никогда раньше...

Я заулыбался во весь рот и пошел к вестготским рыцарям, широко раскидывая руки.

– Доблестный сэр Морган Гриммельсдэн из клана Горных Рыцарей!.. Я рад вам. Барон Гедвиг Уроншид – первый, кто принес мне клятву верности в Вестготии!.. Граф Генрих Гатер фон Мерзенгард – второй присягнувший, но не второй по верности и преданности!.. Граф Дэйв Стерлинг, с которым мы совершали подвиги и в моих владениях в Вестготии!.. Барон Альфред Бриджстоун, виконт Ноэль Джонстоун... и все славные рыцари дружественного нам королевства, что покинули родные земли для торжества справедливости!

Никто, к счастью, не заметил двусмыслицу в оговорке, главное в таких речах не слова, а пафос, подъем, лозунги, а здесь я хорош, сам знаю.

Все кричали восторженно и стучали железом в железо. В норах испуганные звери забивались поглубже, а птицы всполошенно кричали и торопливо улетали в сторону варварских отрядов.

Граф Ришар вскинул руку и сказал громким голосом:

– Рыцари крестового похода!.. Вы уже поняли, о чем говорит появление нашего сюзерена!.. Отдыхайте и набирайтесь сил, они вам понадобятся очень скоро!.. А сэр Ричард, как я догадываюсь...

Он сделал паузу, я широко улыбнулся и сказал так же громко:

– Ознакомлюсь с положением дел, после чего... начнем!

Ришар придержал полог шатра, я вошел царственно, как и положено сюзерену, за каждым движением приходится сле-

дить, устало сел за стол, в теле в самом деле ноет каждая косточка, и сразу позволил морде лица расслабить мышцы, а то от дурацкой улыбки уже болит рот.

Граф Ришар огляделся по сторонам, я устало указал ему на кресло рядом.

– Присядьте, граф. Пусть они там покричат, а мы тут переведем дух.

Он кивнул и, осторожно присев, сказал негромко:

– Сэр Ричард, я от вас ожидал всего-всего, но то, что рассказали прибывшие из Вестготии эти славные и такие застенчивые рыцари...

Я отмахнулся:

– Никакие они не застенчивые. Просто слегка ошарашены видом огромного войска и необъятных просторов. Видели бы, на каких террасах там живут! Завтра-послезавтра охамеют, вот увидите.

Он смотрел мне в лицо с сочувствием, удивлением и тревогой.

– Это верно, что вы... уже герцог?

Я пожал плечами.

– Увы, граф, отвертеться не удалось. Однако, к счастью, у меня там такая сложилась репутация...

Он вскинул бровь.

– Догадываюсь.

– Ох, граф, – возразил я с неудовольствием, – уж и не знаю, что вы обо мне подумали, но все неправда! Я не та-

кой. И вообще в мире все так предсказуемо. Я вообще-то демократ по убеждениям, но мир живет по понятиям! Правитель, каким бы он тупым ни был, все-таки должен учитывать реалии. Так что герцогство из-под меня никто не выдернет, несмотря на то что я здесь. Да и самых активных буянов я благополучно увел сюда, хе-хе. Теперь дело за малым.

– Да, сэр Ричард?

– Идти победной поступью, – сказал я со вздохом. – К сожалению, только армландцы готовы сражаться за абстрактную идею Добра и победы церкви, а сен-маринцы и вестготцы спят и видят новые земли, новые титулы, трофеи, добычу...

Он кивнул, глаза не отрывали от моего лица взгляда.

– Это вы им обеспечите... Но с вами что-то случилось, сэр Ричард? Вы улыбаетесь, но на вашем челе ночь.

Я спросил тревожно:

– В смысле, Тьма?

– В смысле, – сказал он, – печаль. И глубокая скорбь. Но не говорите, что вас настолько огорчило герцогство! Не поверю.

Я тяжело вздохнул.

– К сожалению, граф, судьба сладострастно бьет меня в самое больное место. Одной рукой дает, другой забирает и еще смеется в лицо... Я встретил женщину, душа моя воспарила в небеса, я был счастлив, как никогда... Но она ушла.

Он сказал с сочувствием:

– Если не оценила вас, такая... пусть уходит.

– Напротив, – возразил я. – Она переоценила! И ушла, чтобы не мешать моим грандиозным планам.

Он умолк, смотрел с некоторым смущением.

– Мда, – произнес он озадаченно, – подвиг самопожертвования раньше был только в нашем мужском ведении. Что с миром происходит? Обидно, что и женщины уже почему-то способны... Так недолго и в скорый конец света поверить... Сочувствую, такую потерять очень жаль. Но, сэр Ричард, никому Господь не дает всего. Как говаривала моя мама в детстве: в одну ложку не кладут два горошка. Или – или. Признаюсь, для всех нас все-таки важнее, чтобы вы были больше удачливы в сражениях, чем в любви!

– Граф... А как же личное счастье?

Он вздохнул.

– Положите его на алтарь Отечества... Кстати, что это?

Я отмахнулся.

– Мелочь в сравнении с торжеством справедливости во всем мире. Но великие и благородные цели всегда постепенно уступают дорогу более мелким и приземленным... Первая серьезная измена рыцарским идеалам произойдет, когда начнут сражаться не за справедливость, а всего лишь за Родину!..

Он поморщился.

– Это что, когда кулик хвалит свое болото?

– Именно, граф.

Он покачал головой.

– Сэр Ричард вы говорите о таком падении, что и представить не могу. Будут сражаться «за своих», и не важно правы они или нет?.. Ладно, это одна из ваших шуток, да?

– А если не шутка? Не представляете такого общества?

– Это общество простолюдинов, – сказал он твердо. – Надеюсь, что рыцарство такого падения нравов никогда не допустит! Да и церковь костями ляжет...

Он смотрел встревоженно, мое лицо очень серьезно, но я с усилием улыбнулся, провел ладонью по лицу.

– Конечно, шучу. Устал просто. Но все-таки, граф, давайте карту. Вводите меня в курс дела.

Для человека, охваченного каким-либо желанием, все делается недостаточно быстро. В Вестготии я наивно полагал и потому весьма тревожился, что половина Гандерсгейма уже захвачена, лорды от планов будущих завоеваний перешли к дележу захваченного, но на самом деле мое рыцарское войско только неторопливо разворачивается для войны в новых условиях.

Мы с Ришаром в свое время очень хорошо поработали над особенностями войны в Гандерсгейме. Если для вторжения в Сен-Мари требовались именно стремительность и внезапность, в них был весь залог нашего успеха, то здесь степняки гораздо мобильнее нас, о вторжении большого войска чужаков мгновенно станет известно и в самых дальних уголках.

Так что все верно, рулит осмотрительность и тяжеловес-

ная основательность. Здесь не будет эффектных стремительных побед, но уверенно и неспешно оттесним сопротивляющихся к самому морю, а потом сбросим туда, откуда пришли их предки.

По сути, в Гандерсгейме собираемся повторить уже оправдавшую себя в Сен-Мари тактику: в каждом завоеванном городе оставлять гарнизон. Здесь будет даже несколько легче: в городах нет гарнизонов степняков, нужно только быстро вводить туда значительные отряды, быстро восстанавливать ворота, а затем двигаться дальше, оставив для защиты стен и ворот небольшие силы, так как степняки брать хорошо укрепленные высокие стены так и не научились.

За стенами шатра пространство наполнялось бодрими голосами, стуком копыт, возгласами. Наши отряды, судя по карте, граф Ришар расставил очень умело, учитывая как рельеф местности, так и особенности пестрого войска. Правда, это резко снижает нашу маневренность, зато небольшие отряды варваров будут уничтожены стрелками Асмера еще до соприкосновения с основным войском, а большие массы конницы степняков увязнут в плотной щетине копий Макса.

Голоса за шатром становились все громче, наконец полог отодвинулся, вошел, пригибаясь, как всегда чисто выбритый до синевы, но с воинственно приподнятыми кончиками усов, сэр Норберт, сухой, худой и твердый, как одинокая скала в ровной степи, с которой ветры сорвали все песчинки и мягкие породы, оставив только самое твердое нутро.

– Ваша светлость, – произнес он ровным четким голосом.

– Барон Норберт, – ответил я.

Он позволил своим сухим губам на мгновение изобразить мимолетную улыбку, но взгляд оставался привычно суровым и недоверчивым, лучики у глаз остались на месте.

– Ваша светлость, – обронил он, – это сэр Альбрехт, порекомендовавший меня на пост начальника разведки... барон. Я лишь баннерный рыцарь.

– Уже барон, – сказал я, – сообщаю вам заранее. А я – сэр Ричард. Напоминаю, а то вы снова забыли.

– Сэр Ричард, – повторил он с поклоном. – Просто вы за это время уже успели стать герцогом...

– Но не стал светлее, – сказал я и подумал, что сам брякнул горькую правду. – Хорошо выглядите, сэр Норберт. Вижу, воинская жизнь в Сен-Мари и Гандерсгейме идет больше на пользу, чем мирная жизнь между землями сэра Корнбелла и сэра Уинстона?

Он скупно улыбнулся.

– Сэр Ричард, я польщен, что помните такие мелочи, но лучше не забивайте голову ерундой. Взгляните вот на эти сведения... С вашего позволения я покажу на карте...

– Прошу вас, сэр Норберт.

Он быстро подошел к столу.

– Вот здесь большое скопление племен айров и некерлов. Похоже, они в мирном союзе, там два стойбища почти рядом. По ту сторону реки взбивают пыль сторожевые отряды

гайдаков...

— Это те, — спросил я, — которые бреют головы, оставляя длинный клоч волос на макушке?

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Все-то вы помните, сэр Ричард! Да, это они. Однако их основные силы сейчас в трех десятках миль заняты схватками с эвернейцами, это их извечные соперники...

Я слушал внимательно, очень довольный, что сумел блеснуть памятью и показать, как серьезно отношусь к планированию наступления. Сэр Норберт скрупулезно указывал на все моменты, как могущие помочь, так и помешать, в шатер вошли Зольмс, Арчибальд, Палант, Макс, даже Митчелл и Будакер, но я зря ожидал герцогов Ульриха Ундерлендского и герцога Готфрида Брабантского, ни один из них не появился.

Глава 7

Собравшиеся сгрудились вокруг стола, наблюдая за пальцем сэра Норберта. Он скрупулезно называл сосредоточения больших варварских войск, указывал, как и где пройти, чтобы использовать рельеф в свою пользу, называл даже имена вождей, которые мои военачальники тут же забывают, вижу по их лицам, указывал, кто как там вооружен.

Я вникал во все подробности, с высоты драконьего полета мелочи не замечаются, наконец решил, что мои полководцы начинают терять нить рассуждений дотошного сэра Норберта, бодро выпрямился и хлопнул ладонью по карте.

– Спасибо, сэр Норберт!

– Пожалуйста, – ответил он чуть уязвленно, – однако я еще не добрался до края...

– К тому времени там все изменится, – заверил я. – Варвары – чрезвычайно мобильный народ.

Он пробормотал:

– Но рельеф не изменится.

Однако полководцы уже смотрели на меня с жадным интересом, я сказал с подъемом:

– Вы правы, сэр Норберт! Рельеф все тот же, однако он отмечен на картах, а те розданы всем. Напомню главное! В Гандерсгейме очень непростая, но благоприятная для нас ситуация. Мы должны действовать по римскому принципу: разде-

ляй и властвуй. Почти все племена здесь в постоянной вражде, войнах и всяких мелких войнушках друг с другом. Поэтому мы должны какую-то часть временно привлекать на свою сторону...

Ришар кивнул.

– Понимаю. И направлять против наших противников.

– Так, – уточнил сэр Зольмс, – чтобы они шли впереди наших войск и несли основные потери.

– Тем самым докажут лояльность, – добавил сэр Палант.

– А также избегнут уготованной остальным участи, – напомнил граф Ришар, – на... первое время.

– Сэр Норберт – сказал я, – вам предстоит отвести два крупных воинских отряда к королевствам Меркель и в Тиборра. По дороге старайтесь не втягиваться в схватки. Тиборра – тоже королевство, самое крупное в Гандерсгейме. В нем помимо стольного града еще девять довольно крупных городов. Они принесли мне вассальную присягу, конечно, тайно, однако так даже лучше. Сейчас, прослышав о нашем вторжении, они должны спешно начинать укреплять стены и заложить дурацкие проходы в стене, где в старые добрые времена были ворота.

Он смотрел озадаченно.

– А наша цель, сэр Ричард?

– Быстро занять позиции на стенах, – сказал я, – расположить лучников, а также простой народ для отпихивания штурмовых лестниц, если вдруг что...

– Своих людей?

– Нет, привлекайте из местных. Лучше добровольцев, но можно и принудительно.

Он кивнул, лицо стало деловым.

– Подготовить город к осаде, понял.

– Хотя, – сказал я, – думаю, варвары на стены не полезут. Сперва они будут стараться делать то, что умеют лучше всего.

– Сражаться на просторах?

– Да, – подтвердил я. – Жители пропустят вас во все десять городов Тиборры, но защищать придется вам, у местных нет войск, как нет и оружия.

Он ухмыльнулся, в глазах все еще оставалось недоверие.

– Что-то слишком хорошо начинается поход, – обронил он. – Когда вы говорили, что часть городов откроет нам ворота, я не очень верил.

– Ворот там как раз и нет, – напомнил я. – Ни в одном городе! Как только прибудете, сразу же примите меры. Вообще-то ваша задача провести туда тяжелую пехоту. Они и останутся гарнизонами. А вы, передав им полномочия, немедленно обратно.

Он отсалютовал, сдержанно улыбнулся.

– Все выполним, сэр Ричард!

– С Богом, – сказал я.

Граф Ришар проводил его задумчивым взглядом.

– Сэр Норберт вчера обрадовал нас чрезвычайно, встре-

тив на дальних подходах к нашим позициям двух весьма достойных рыцарей на очень измученных лошадях. Как выяснилось, оба посланы герцогом Ундерлендским. Он двигается сюда с большим войском, они должны сообщить нам, что он тоже примет участие в священной войне с неверными...

– Довольно быстро, – сказал я с удовольствием. – Ускоренным маршем? Сколько у него войска, уже известно?

Граф Ришар сообщил буднично, но с сияющими глазами:

– Да как вам сказать... Больше тысячи одних рыцарей, а еще двенадцать тысяч тяжелой конницы! Молчу про пеших ратников, тех как муравьев, засиделись там в своем горном крае... Среди них и копейщики, и мечники, и лучники, все сведены в отряды. По крайней мере, так сообщили сэр Феофан и сэр Бовман.

– Это точно? – спросил я недоверчиво. – Больше тысячи одних рыцарей? С ума сойти...

Сэр Норберт сказал быстро:

– Сегодня я разговаривал с доблестными баронами Бовманом и Феофаном. У них чрезвычайно сильные и быстрые кони. Он послал их вперед на быстрых конях, а доспехи настолько хороши, что даже в Сен-Мари такие не скоро отыщешь.

– Выучка у них тоже, – проворчал Будакер. – Я посмотрел, как они владеют мечами... Чувствуется долгая практика.

Арчибальд Вьеннуанский все это время молчал, кряхтел, наконец проговорил с сомнением:

– Вы в самом деле так уж рассчитываете на герцога Ульриха?

– Ну да, – ответил граф Ришар, он сразу насторожился. – Вы его знаете? Хорошо?

Сэр Арчибальд кивнул.

– И очень даже хорошо. Я в его Ундерлендах побывал еще раньше сэра Ричарда, выполнял деликатное поручение Его Величества Кейдана...

Граф изумился:

– Деликатное поручение?

– Ну да, герцог очень самолюбив, Его Величество не хотел публичной огласки и последующего позора, если вдруг Ульрих не возжелал бы исполнить его волю.

– А он мог бы?

Сэр Арчибальд посмотрел на него с сочувствием.

– И сейчас может.

– Вы о чем?

Сэр Арчибальд со вздохом развел руками.

– Он герцог, дорогой граф. Захочет ли, уж простите, подчиняться графу? Это не Готфрид, тот все понимает, а этот больно самолюбив, заносчив, спесив, хотя воин отменный, полководец отличный, все знает и все замечает.

– И что, – спросил Ришар с недоверием, – зачем он тогда ведет свои войска?

Сэр Арчибальд кивнул в мою сторону.

– Герцог обещал сэру Ричарду, а слово держит всегда, че-

ловек чести! Однако, скорее всего, будет держаться в стороне и воевать самостоятельно. Я же говорю, человек он настолько гордый, что не терпит над собой ничьей власти. А граф Ришар, уж простите, ничуть не выше ни по знатности, ни по титулу Его Величества короля Кейдана, законного правителя королевства!

Ришар пробормотал в глубокой задумчивости:

– Которому, судя по вашим словам, он подчиняется только тогда, когда считает целесообразным... гм...

Он все чаще поглядывал на меня, я уловил в его взгляде невысказанную просьбу. Граф тоже дьявольски горд, никогда не попросит помощи, хотя вроде бы мудр, как почему-то говорят, но рыцарства в нем больше, чем рассудительности. Точно так же маркграф Роланд из ложной гордости отказывался трубить в рог и звать на помощь императора Карла Великого, и лишь когда пал израненный и уже понимал, что погибнет, сломал свою Дюрандаль и наконец-то протрубил в рог, ибо мертвые сраму не имут...

– Граф, – произнес я как можно небрежнее, – я как раз собирался провести герцога...

Он наклонил голову.

– Это весьма кстати. Возможно, вы найдете время поинтересоваться его планами.

– Обязательно, – пообещал я. – Раз я все равно туда еду, почему, так сказать, попутно не...

Он покряхтел, что для него очень нехарактерно, пожал

плечами.

– Мне очень неудобно, сэр Ричард... но, как видите, меня легко заменить, как и любого другого, но только не вас! Я не представляю просто, кто сумел бы справиться с этой проблемой. А вы, я уверен, справитесь с присущим вам изяществом.

Сэр Альвар произнес со странным выражением:

– Без ударов молотом по голове?

– А что, – вступился сэр Палант, – у сэра Ричарда это иногда бывает. Без крика и топанья ногами, правда-правда!

– У сэра Ричарда это всегда, – ревниво вступился сэр Норберт. – Это потом понимаешь, что собственноручно отдал ему свой меч, своего коня, свои сапоги и даже свою женщину.

Сэр Альвар хохотнул.

– Да уже поздно, да?

Сэр Арчибальд буркнул с предостережением:

– Ну да, если кто-то из них жив останется. Герцог весьма горяч и своенравен.

Я поднялся.

– Отправляюсь немедленно. А вы все продолжайте работу, а не начинайте прикидывать, как и о чем договоримся с благороднейшим герцогом Ульрихом!

– И чем это закончится, – добавил Арчибальд встревоженно.

Счастливей Пес ухитрится и на этой неровной дороге появляться то справа, то слева, усердно проверяя придорожные кусты, хотя арбогастр мчится быстрее ветра.

Далеко впереди появились крыши домов, отсюда словно бы утонувшие в некоем озере разлившейся ртути. Зайчик начал сбрасывать скорость, но все еще шел галопом. Пес вырвался вперед, я прикрикнул: там тебя, морду толстозадую, не знают, нам не нужны крики ужаса и вопли: «Чей медведь?»

Войско герцога Ульриха, как вижу, остановилось на привал, встретив большую деревню с ее садами, колодцами, большим прудом. Куда ни падает мой взгляд, везде вооруженные воины, одни в латах, другие в кольчугах, а лучники так и вовсе в легких кожаных доспехах.

Одни, измученные переходом, спят в саду в тени фруктовых деревьев, другие пьют, играют в кости, самые старательные точат мечи и топоры, драят крошкой кирпича латы и без того сверкающие на солнце, как зеркала. Сразу в трех местах перековывают коней, кое-где в походных кузницах поправляют доспехи.

Я обратил внимание на красные обожженные лица, в Ундерлендах то ли солнце не такое злое, то ли не выходят из домов, но здесь некоторые просто вульгарно обгорели, через пару дней будут снимать кожу лохмотьями.

В то же время лагерь герцог расположил очень умело, с одной стороны прикрывшись рекой, с другой каменистым

плоскогорьем, где ни один конь не проскачет, а с третьей, к моему изумлению, вырыт ров, хотя войско задержится, как мне сказали его два рыцаря, всего на одну ночь.

Герцога я увидел с кубком в руке на крыльце самого богатого дома. Перед ним двое рыцарей теснят друг друга щитами, время от времени взрываясь серией яростных ударов. По обе стороны крыльца стоят в почтительном молчании знатные лорды, судя по пышным одеждам и ярким расцветкам, я узнал с ходу сэра Готмара, сэра Витерлиха, сэра ТрандERTA, а также Жерара и Бульбоне, я их видел при герцоге и в Ундерлендах.

Я соскочил с коня, Бобик идет с ним рядом, важный и спокойный настолько, что чуть не засыпает на ходу, зато это успокаивает каждого. Я бросил повод первому подбежавшему и пошел к герцогу, изображая улыбку и счастье на лице.

Он вскочил в радостном удивлении.

– Сэр Ричард!

Мы обнялись, его вельможи подошли ближе, все заинтересованные и тоже улыбающиеся, я здесь, а это значит – приключения будут. Я принял их поклоны и сам ответил с предельным дружелюбием, но герцог ухватил меня за рукав.

– Сэр Ричард, с ними потом!.. Я сгораю от нетерпения!

– Да ничего не случилось, – сообщил я. – Просто я, услышав о вашем скором прибытии, поспешил навстречу, чтобы выразить вам свое уважение и почтение!

Он довольно заулыбался, бросил короткий взгляд на сво-

их вельмож, видят ли, что глава похода и некоронованный властелин всего королевства лично прискакал встретить его на полдороге. Они явно все заметили, тоже цветут, почтение к их властелину распространяется частично и на них.

– Дорогой Ричард, – сказал он. – Как я рад вас видеть!.. Пойдемте в дом, я угощу вас вином, вы ж такую дорогу проделали!

Я отмахнулся.

– Дорогой герцог, это вы проделали дорогу! Да еще такую. И с целой армией. И прибыли настолько удивительно быстро, что я просто не верю!.. Серьезно, не знаю полководца, который сумел бы с такой скоростью провести огромное войско через крайне узкий проход по Землям Дьявола, миновать почти все королевство и догнать нашу армию еще до начала полномасштабных сражений!

Он заулыбался, польщенный, но заметил довольным голосом:

– Мы бы остались в Ундерлендах, если бы вы не сумели каким-то образом очистить ту проклятую дорогу от ужасных гарпий!

Я покачал головой.

– Нет-нет, герцог, я уверен, вы все равно бы прошли, разве что с некоторыми потерями. На фоне общей массы очень незначительными. Но как воспрянуло все наше войско, когда прибыли ваши благороднейшие рыцари сэр Бовман и сэр Феофан и сообщили нам, что следом за ними движется вся

огромная армия герцогства Ундерлендов! Как воодушевились все наши воины!.. И я их не виню, я сам видел рыцарей Ундерлендов и готов голову дать о заклад, что лучших рыцарей еще земля не рожала!.. Какая статья, какая выучка, какие доспехи, какие у них кони!..

Он порозовел от удовольствия, глаза стали довольными и просто масляными, уже и забыл, что звал меня в дом, упивается похвалой, а рыцари одобрительно шумят и что-то выкрикивают.

– Гм... да, – согласился он скромно, – выучка у них... да... И послал я вперед достойных рыцарей, чтобы сообщить...

– Вся армия возликовала, – сообщил я. – Даже ночью не ложились, а плясали у костров! А военачальники все так и рвутся под вашу руку. Я просто не поверил своим ушам, когда граф Ришар, приняв ваших рыцарей, сэра Феофана и сэра Бовмана, вздохнул и сказал, что для него честь находиться под командованием такого великого человека, как вы, ваша светлость!

Он улыбался все шире, но в какой-то миг в глазах мелькнуло сомнение, проговорил медленно:

– Так и сказал? Тот самый граф Ришар, герой блистательных побед при Олбени, Гастирксе, у Черной Речки, Проливе и прочих войнах, где он отличился где с малым отрядом, где с большими массами войск?

– Он, – подтвердил я с готовностью. – Граф – настоящий

рыцарь. Он уступает вам славу полководца, ведущего победоносную войну с варварами Гандерсгейма! Для графа важнее победа над противником, чем личные амбиции. За эти редкие и столь ценные качества его так чтут и так уважают как в Армландии, Турнедо, Фоссано и даже в Шателлене! А теперь, естественно, еще и в Сен-Мари.

Рыцари восторженно шумели, а герцог проговорил медленно:

– Да, очень самоотверженный человек. Просто редких душевных качеств.

Я кивнул.

– Согласен. Он объявил всем, что вы привели, судя по прибывшим рыцарям, самую лучшую армию! Да и я рассказывал о рыцарях Ундерлендов немало, как вы понимаете... Потому граф Ришар уговорил меня передать все объединенные войска под ваше управление, дорогой герцог. Отныне все будут знать, что покоритель Гандерсгейма – вы, дорогой герцог Ульрих!

Рыцари заорали восторженно, крик поднялся такой, что отовсюду в нашу сторону сбегались люди, выхватывая из ножен мечи. Герцог продолжал улыбаться, только улыбка постепенно застывала, на лице отразилось глубокое раздумье и сильнейшее колебание.

Я ждал, затаив дыхание, наконец он выпрямился, глаза сверкнули дьявольской гордостью.

– Нет!.. – произнес он громко и величественно. – Я пред-

почту, чтобы все знали и говорили, что именно я отказался от предложенной мне чести, ибо мое достоинство не позволяет перехватывать славу столь именитого полководца, как граф Ришар! Более того, я настолько чту общее благо, что отдаю все свое войско под полное командование графа Ришара! В моем войске множество знатнейших рыцарей столь древних родов, перед которыми даже длинная родословная Его Величества выглядит до смешного короткой и бедной на имена... и я хочу, чтобы мой пример, о котором будут говорить здесь и в Ундерлендах...

– ...и сложат баллады, – вставил я быстро. – Менестрели обожают великодушные порывы!

Он кивнул, донельзя гордый, продолжил так же важно:

– Чтобы мой поступок послужил им достойным примером! Нам всем следует забыть о знатности рода ради величия церкви и внедрения христианской веры в дикие языческие земли! Все мы – рыцари церкви, вот что нужно нам помнить!

Я вскрикнул, в глазах слезы восторга, с жаром обнял герцога.

– Дорогой Ульрих!.. Простите, это я от волнения... Я просто не нахожу слов! Это ваше решение будет настоящим потрясением для всех, кто ожидал перехода руководства войсками к вам, и примером на долгие годы... да что на годы – на века!.. От этом сегодня же будут говорить с восторгом, а завтра начнут сочинять песни, легенды, баллады, стансы, сирвенты, поэмы...

Сэр Витерлих, что давно и открыто улыбался мне, протолкался ближе, веселый и уже с запахом вина.

– А не отметить ли это великое событие пиром? Пусть запомнят все!.. И пусть менестрелей тоже угостят на славу, у них строчки будут складываться быстрее!

Глава 8

Назад я неся подобно быстрокрылому птеродактилю, хотя и на арбогастре. Ветер ревет и воет в ушах, мы были уже на полпути, когда я придержал Зайчика и начал вертеть головой по сторонам.

Пес вернулся и уставился на меня ожидающими глазами. – Слишком быстро возвращаемся, – объяснил я обоим серьезно. – Вон там вроде бы постоянный двор... Перекусим, переведем дух, обдумаем новые хитрости!

Бобик все понял, развернулся и ринулся в сторону далекого домика в окружении роскошного сада. Деревья такие высокие, что видна только крыша, хотя дом двухэтажный, если не трех.

Ворота распахнуты, я въехал шагом, двое расторопных слуг бросились перехватывать повод, я великодушно бросил им серебряную монету, чем удивил несказанно, еще не пришло время таких поощрений, а сам соскочил на землю и направился ко входу в главное здание, откуда вкусно несет жареным мясом, луковой похлебкой и вареной бараниной.

В двух шагах от крыльца вяло общаются четверо мужиков, двое в порванных рубахах, у одного лиловый кровоподтек под глазом, тоскливо поглядывают по сторонам, морщатся, когда смотрят на яркий свет, видно, что у каждого голова трещит после вчерашнего...

Их опасно обходят стороной, а еще опускают взгляды, а то ж это вызов, тут же можно схлопотать.

Я, естественно, пошел по прямой, грузный и величавый, как слон. Один нарочито выдвинулся, чтобы я его задел плечом. Я с удовольствием, настроение хорошее, выполнил его желание, да так, что его отшвырнуло на кучку дружков.

Те сразу оживились, подтянулись и помолодели. Похмелье временно отступило, один из группы, широкий и массивный чернобородый здоровяк круто развернулся ко мне, кулаки немедленно сжались так, что побелели костяшки.

– А, – проревел он, – ты так?

Я сказал нетерпеливо:

– Слушай, дурак. Хочешь получить в морду, давай без лишних слов. А то они у тебя такие... скучные.

Он даже отшатнулся в удивлении. Дружки смотрели на меня, разинув рот, как на дурачка.

– Ты не понял? – проревел чернобородый. – Нас четверо!

Я небрежно отмахнулся.

– Позови еще шестерых, чтобы наши силы сравнялись.

Он заорал:

– Да ты хоть знаешь, кто я такой?

– Знаю, – ответил я. – Дурак, который лижет землю.

Он вскрикнул:

– Что-о?

Я с превеликим удовольствием врезал ему в морду. Он рухнул, перевернулся лицом вниз, из разбитого рта потекла

кровь. Испуганные и ошалелые собутыльники замерли, глядя на меня выпученными глазами. Для них все случилось чересчур быстро, без привычной ругани и соответствующего разогрева.

– Вот видите, – сказал я остальным, – лижет землю... Что он в ней нашел? Не дурак ли?

Один из его дружков пробормотал:

– Но...

– ...Он самый сильный боец в этих краях, – весело досказал я за него. – Угадал?

Он ошалело уставился на меня круглыми глазами. Остальные тоже вытаращились испуганно, кто-то перекрестился, другие плевали через левое плечо и щупали амулеты.

– А вы откуда... знаете? – проговорил тот же мужик с придыханием в голосе. – Вы... колдун?

– Люблю этот мир, – сказал я с чувством. – И вас всех люблю!

От меня шарахнулись в испуге, последняя фраза вообще доконала, уж не понимаю, как можно иначе понять слово «люблю», полное христианского смирения и любви к ближнему и даже дальнему.

Пес проскользнул в дверь харчевного заведения раньше меня, я оглядел довольно просторный зал, несколько столов занято, но все по одному, по два человека. Я выбрал свободный, Пес оказался под столом раньше, чем я опустился на лавку.

Хозяин сразу послал ко мне женщину в чистом переднике, угадал состоятельного клиента, я велел принести поесть лучшее, что у них готовится прямо сейчас, а также лучшего вина.

Буквально через пять минут на мою тарелку перегрузили прямо с широкой сковородки нарезанное тонкими ломтиками жареное мясо, а мальчишка принес и водрузил на стол, надуваясь от натуги, кувшин с вином.

– И чего-нить покрупнее, – сказал я. – Еще. Например, гуся целиком или свиненка.

Мальчишка сказал с недоумением:

– Да... я скажу бате...

Я ел с удовольствием, ловил разговоры, но все о том же: что лучше сеять на этих землях, в самом ли деле появилась новая стая волков или орудует недобитая старая, почему под рекой всегда хороший урожай гречихи, а дальше от деревьев вообще не растет, но сколько бы я ни вслушивался, никто и не упомянул, что совсем недавно прошло огромное войско крестоносцев, и мир должен бы вроде стать другим...

Принесли, как я и заказал, большого гуся. Мальчишка устался на меня в ожидании, неужели я такой проглот, но я оторвал лапу и швырнул под стол. Там послышался моментальный хруст, чавк, после чего высунулась огромная голова с удивленными глазами: это все, да?

– Не все, – ответил я и бросил ему остальную часть гуся. Мальчишка торопливо отступил, глаза стали огромные. Я

бросил ему золотую монету.

– Отдай бате. Хорошее мясо, а гусь так и вовсе... Слышишь, как хрустит? Это так спасибо говорит.

Он неумело улыбнулся и убежал, крепко зажав в кулаке драгоценную монету.

Дверь хлопнула, порог переступил чернобородый мужик с разбитым в кровь лицом, огляделся угрюмо, как бык, что выбирает, кого бы поддеть на рога.

Я уловил момент, когда он углядел меня, всхрипнул и, стиснув огромные кулаки, тяжело направился в мою сторону. Я продолжал доедать мясо, на него поглядывал искоса.

Он остановился у стола, нависая надо мной, как скала над родником.

– Ты кто? – потребовал он с угрозой.

Я сказал с удовольствием:

– Кто ты, уже запомнил, хорошо. Теперь хочешь знать, кто я?.. Садись, буду рассказывать. Эй, рыженькая, еще одну чашу, да побольше, кувшин вина и жареного мяса.

Он колебался, но сел, выбрав место не напротив, а сбоку, чтобы легче дотянуться, когда сочтет момент подходящим. Женщина принесла чашу и блюдо с мясом, я взял кувшин, в это время дверь снова громко хлопнула.

Чернобородый оглянулся, я сосредоточился и создал ямайский ром прямо в его чаше. В харчевню вошли трое мужчин в запыленной одежде, с кнутами через плечо, сразу закричали насчет вина.

Все расселись вблизи двери, чернобородый разочарованно повернулся ко мне.

– Показалось...

– Пей, – посоветовал я. – В мою честь подали лучшее вино.

Он взял чашу, с подозрением принялся.

– Пахнет как-то не так...

– А выпить боишься? – спросил я.

Он хмыкнул и в три могучих глотка осушил всю чашу. Роба моментально покраснела, затем стала темно-бурякового цвета, глаза полезли на лоб.

Целую минуту он не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть, наконец грудь расширилась, жадно хватая воздух.

– Это... – просипел он, – что... за такое вино?

– Понравилось? – спросил я.

Он ответил хрипло:

– Да ему цены нет!.. Все внутри продрало, будто матерого ежа проглотил. Это что ж, тебя здесь так уважают?

– Да, – ответил я. – Только вино подают тайком, чтоб другие не просили. Сам знаешь, хорошего на всех никогда не хватает.

Он подумал, кивнул, дверь с громким скрипом распахнулась, на пороге появились рослые и крепкие мужики. Он снова оглянулся, я поинтересовался:

– Тебя ищут?

Не отвечая, он помахал им и смотрел, как те медленно

спускаются в зал, плечами поводят угрожающе, каждое движение исполнено угрозы и напоминания, чтоб убирались с дороги.

Я налил из кувшина в свою чашу, а остатки вылил в большую кружку хлипкого мужика за соседним столом. Тот опешил от такой щедрости, а я уже сосредоточился, ловил вкус и аромат рома, чувствовал, как медленно тяжелеет в моей руке кувшин.

Трое силачей подошли к нашему столу. Я дружелюбно помахал рукой.

– Ребята, хотите драться?.. Я тоже. Любой спор мордобоем красен. Гостей встречают по одежке, а провожают – по морде! Только сперва выпьем. А то как-то скучно живем.

Чернобородый посмотрел на меня, на них, кивнул.

– Да, – сказал он важно, – возьмите вон ту лавку.

– И захватите кружки, – крикнул я. – Мы с вашим приятелем угостим вином, которое пьем сами... а вы даже не нюхали.

Один из прибывших, огромный детина с меня ростом, настоящий гигант, принес лавку и опустил по ту сторону стола. Другой принес кружки.

– Ну?

Я кивнул чернобородому, тот злорадно улыбнулся и начал наливать им этого особого винца. На меня покосился с недоумением, кувшин показался почему-то тяжеловат для полупустого.

– Хорошее вино, – приговаривал он, – вам понравится...

На этот раз мы оба с одинаковым интересом, довольно злорадным, наблюдали, как троица разом, словно близняшки, припала к кружкам. Только гиганту удалось выпить до конца, при его размерах не сразу дошло ощущение огня в глотке, пищеводе и желудке, а его двое друзей задохнулись после первых же глотков.

Я смотрел невозмутимо, чернобородый ехидно улыбался.

– Понравилось? – спросил он приятелей. – Мне тоже...
Есть же люди, что пьют такое вино...

Голос его еще звучит, как прежде, но я уже ощутил приближение того блаженного состояния, когда язык начнет заплетаться, а рожа расплывется в довольной и бессмысленной улыбке. Его дружки смотрели на него вытаращенными глазами, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть, будто каждый получил копытом под дых. Наконец один с трудом выдохнул, но вместо того, чтобы сказать что-то или хотя бы выругаться, схватил кружку обеими руками и сделал еще глоток, но уже осторожно, чуть ли не лизнул.

Чернобородый тихонько, но довольно ржал, однако на всякий случай наполнил себе чашу доверху, вдруг да не хватит. В кувшине осталось не меньше половины, но я на всякий случай добавил еще, пока на меня не обращают внимания, и я могу сосредоточиться.

Гигант тупо прислушивался к своим ощущениям, на меня смотрел с уважением, а чернобородый спросил у меня:

– Налить ему еще?

– Давай, – разрешил я. – Пить следует умеренно. Две кружки вина вполне достаточно. Потом, конечно, можно еще.

Он спросил с недоумением:

– Это как?

– Выпив всего кружку, – пояснил я, – я становлюсь другим человеком! Понял?

– Ну...

– Так вот тому другому тоже надо налить!

Он врубился наконец, захохотал, троица прибывших тоже заржала с превеликим удовольствием. Я подумал, что мне с моим запасом шуточек и приколов в этом мире цены просто нет.

Когда чернобородый снова наполнял всем чаши, дважды едва не промахивался. Один из группы завел веселую песню, его дружки подхватили. Довольные и веселые, про драку уже забыли, в самом деле нравится мне этот простой мир, где все простые и понятные, даже короли.

В центр зала, подсвеченная пламенем камина, вышла танцевать легко одетая женщина, похожая на огненную саламандру. По ее телу зазмеились синие молнии, ноги переступают легко, а гибкие руки пошли исполнять над головой свой особый танец, манящий, эротичный и женственно мягкий.

Воздерживайтесь от вина, женщин и песен, вспомнил я старый совет. Преимущественно от песен. Хотя можно в ис-

ключительных случаях порадовать себя и песнями. Как вот эти...

Я поднялся, тяжело вздохнул.

– Погулял и хватит, пора на работу. Спасибо за веселую компанию... Бобик, кончай дрыхнуть! А то оставляю тебя здесь.

Гуляки замерли, когда Бобик выбрался, расталкивая их и едва не опрокинув стол, огромный и недовольный, не дали поспать после сытного обеда.

Чернобородый крикнул мне вдогонку:

– Приходи почаще, приятель!.. Как тебя зовут?

– Ричард Длинные Руки, – ответил я небрежно. – Маркграф Гандерсгейма.

Глава 9

Адский Пес на этот раз не оглядывался, стелется над землей, как стремительный стриж. Расстояние между ним и нами постепенно увеличивается, арбогастр начал хрипеть, глаза налились огнем, разогрелся так, что пот моментально высыхает, а я обжигаю ладони о его кожу.

Конные караулы Норберта увидел задолго до того, как показались шатры лагеря, их такое множество, словно все королевство Сен-Мари двинулось на покорение Гандерсгейма. Зеленая долина расцвечена красными, желтыми, голубыми, оранжевыми, синими горбиками шатров, все чистых красок, еще не научились или не любят смешивать в разные полутона здесь краски, как и люди – чистые и без всяких примесей.

Пес пронесся по прямой, пугая народ, а когда мы с арбогастром добрались до шатра графа Ришара, Адский Пес уже лежал у входа и, часто дыша с высунутым языком, смотрел на нас насмешливо и с чувством полнейшего превосходства.

Гонцы сразу разбежались в стороны с новостями. Я едва вошел в шатер, как по ту сторону тонкой шелковой стенки протопали быстрые шаги, полог откинулся, заглянул оруженосец.

– Ваша светлость?

Я кивнул.

– Кто?

– Его светлость граф Ришар.

– Зови, это же его шатер.

Граф Ришар вошел быстрыми шагами, на лице волнение, седые волосы раздуваются, словно ветер преследует его и в шатре.

– Как же вы быстро! – воскликнул он. – Просто невероятно!.. Кстати, для вас уже поставили шатер.

– Намек понял, – сказал я, – гоните в шею.

Он нервно хохотнул.

– Все шутите, а нас тут колотит нелегкая. Говорите же, как там? Почему там быстро?

– Старался, – ответил я скромно.

Он спросил торопливо:

– Судя по вашей скорости, герцог вот-вот покажется из-за тех вон холмов?

– Он близко, – подтвердил я, – но дайте ему еще с недельку. Все-таки у него обоз, большая армия пеших тяжелооруженных ратников... Как вы здесь?.. Кстати, герцог заверил меня в своем глубоком уважении к вам, дорогой граф. Более того, заявил, что все его войска в полном вашем распоряжении. Как и он сам.

Он охнул.

– Невероятно...

– Почему?

– Судя по тому, – сказал он с недоверием, – что о нем говорят... Может быть, вы его застали смертельно пьяным?

– Абсолютно трезв, – заверил я. – Как стеклышко! И потому от своих слов не откажется. Тем более что громко и отчетливо произнес их в присутствии своих наиболее знатных лордов. А их при нем целая свита. Немалая.

Ришар смотрел на меня в изумлении.

– Невероятно, – повторил он, – просто не понимаю, как вы это сделали. Впрочем, теперь это уже неважно. Главное, что войско герцога Ульриха сможет прикрывать нам левый фланг, мы сможем двигаться более широким фронтом, разрезая Гандерсгейм на две части... Сэр Ричард, вы куда снова?

Я остановился на пороге шатра.

– А вы как думаете? Туда, куда я вообще-то должен был помчаться в первый же миг моего появления здесь.

В его глазах появилось понимание и сочувствие.

– Сэр Ричард, – произнес он церемонно и с поклоном, – мы все чтим вашу удивительную преданность делу церкви и завоевания этих диких земель, из-за чего вы вынуждены пренебрегать семейными узами... Простите!

Я улыбнулся и вышел, где споткнулся и едва не упал через разлегшегося Бобика.

– Лежи-лежи, – успокоил я. – Я ненадолго.

Знатные лорды моей свиты чуть ли не впервые деликатно приотстали. Понимают, что там, куда я направил коня, их услуги телохранителей не потребуются. В стане герцога Гот-

фрида скорее умрут, чем позволят его сыну хотя бы поцарапать палец.

Один из свиты прищпорил коня и понесся карьером к виднеющемуся на холме шатру герцога. Мы едем степенно, видели, как всадник соскочил с коня и бегом ринулся, как в ночь, в темное нутро шатра.

Через несколько минут вышли знатнейшие рыцари Брабанта, герцог на шаг впереди, остановился, рослый гигант, за это время не стал ниже ростом, все так же уступает мне не больше, чем на один-два пальца, зато плечи шире и массивнее моих. Я вспомнил слова Смита, что герцог лучший из бойцов Арндского королевства, как в Брабанте упрямо называют Сен-Мари, и, похоже, в войне с Гандерсгеймом он захочет это доказать снова.

Я перевел Зайчика на рысь, нехорошо заставляя ждать человека, старшего хотя бы по возрасту. С герцогом у меня всегда чувство неловкости, слишком враждебно началось наше общение, потом неожиданности в Брабанте, где я вынужденно встал на защиту его семьи, и вот теперь я, Ричард Валленштейн Брабантский, скачу к своему отцу, который по родительскому долгу так много для меня сделал, стараясь отыскать в чужой стране и выкупить из плена.

Я ожидал несколько сдержанной встречи, герцог всегда отличался холодностью и склонностью к строгому этикету. К тому же у нас обычно возникала некая напряженность даже не в память о нашей вражде и лютых схватках на Каталаунд-

ском турнире, это нет, о таком вспоминается с веселым смехом и обсасыванием деталей, а из-за вмешательства в дела Бранбанта, которые никакой сын позволять себе не должен.

Соскочив на землю, я пошел к нему с почтительной и радостной улыбкой.

– Ваша светлость...

Он просто шагнул навстречу с распахнутыми объятиями.

– Счастлив видеть тебя, сын.

Я торопливо бросился в объятия, обнял, прижался. В глазах неожиданно защипало, странное чувство, даже рожа искривилась, чувствую, вот-вот зареву, как дурак. Никогда мой родной отец меня не обнимал, только и помню, что является с работы потный и усталый, заваливается на диван, включает ящик и подвигает к себе пиво. И нет для него ни жены, ни сына, когда на экране мечутся фигурки и гоняют мяч.

Герцог задержал меня в объятиях дольше, чем указано в дипломатическом протоколе, отстранялся медленно и с неохотой. Суровое лицо потеплело, пронизывающие глаза всматриваются с непривычной и непонятной для меня родительской теплотой.

– Заставил ты нас поволноваться, мой мальчик.

Я сказал виновато:

– Прошу прощения!.. И за то, что так ношусь всюду, не удастся побыть в кругу семьи и насладиться семейным обедом.

– Ты многое успеваешь, – произнес он. – Даже ухитрил-

ся сдружить леди Элинор и мою Дженни! Теперь постоянно шепчутся и ходят везде вместе, как привязанные одна к другой. Спасибо, для меня их теплые отношения просто спасение.

– Это получилось само, – запротестовал я. – Сам не ожидал... Герцог, я потрясен вашим войском. Их впятеро больше, чем я вывел брабандцев для похода на столицу!

Он горделиво улыбнулся.

– Все-таки их сюзерен я. Мне больше доверяют просто по привычке. Сила традиций. Но теперь они под твоим командованием... Пойдем в шатер. Твоих людей примут со всеми почестями.

У шатра двое оруженосцев синхронно распахнули полог, но я задержался, неподалеку на земле лежат со связанными руками и ногами пятеро варваров, вокруг опасно ходит священник и нерешительно поводит крестом в дрожащей руке.

Воины герцога стоят вокруг пленников с оружием наголо и вопросительно поглядывают на меня, мол, моргните, ваша светлость, сразу всех отправим в ад.

– Поздравляю, – сказал я изумленно. – Эти откуда?

Он усмехнулся.

– Это ответ, почему я не прибыл на твой первый здесь военный совет.

– Была атака?

Он кивнул на распахнутый для меня вход, я переступил

порог. У герцога Готфрида все по-спартански строго и ничего лишнего, даже вместе кресел, что привез Ульрих, простые лавки, грубо сколоченные из местных материалов.

Двое оруженосцев внесли неизменные кубки и кувшин с вином, оба суровые воины со шрамами на лицах, одетые как для похода. Я опустился на лавку и ждал, пока расставят кубки, наполнят и отойдут в стороны.

– Мы сперва полагали, – пояснил Готфрид, – что варвары гонят табуны на новое пастбище. Те в самом деле сперва прогнали три конских табуна, чтобы мы увидели и успокоились, но потом бросились в атаку на мой лагерь. К счастью, табуны прогнали слишком уж напоказ, а я – старый волк, кое-что заподозрил и велел всем занять позиции для отражения конной атаки.

– Была битва? – удивился я.

Он покачал головой.

– Нет. Спасибо, ты прозорливо снабдил стрелков особыми луками... композитные называются? И хорошо, что составил из них целые отряды. Они выпустили первые стрелы, когда атакующие были еще за два полета стрелы! А потом еще и еще. Варвары повернули раньше, чем ударились о наших копейщиков. А нам осталось подобрать их раненых. Уверяю тебя, их было куда больше, чем эти пятеро.

– Эти не раненые, – заметил я.

Он кивнул.

– Раненых потом добили по их просьбе. Такие желания

надо уважать, мы же все мужчины. А эти целы потому, что кого упавшим конем придавило, кого копытом по голове задело.

Я спросил настороженно:

– Почему не подали сигнал тревоги по всему нашему войску?

– Была не армия, – объяснил он, – а племя. Хотели проверить нас, себя показать, покрасоваться друг перед другом... Потому я не стал беспокоить других. Тем более, что принимали тебя, и я не хотел портить такой праздник.

В его суровом голосе проскользнула нежность.

Я сказал осторожно:

– Герцог, прошу вас не рисковать в этих битвах. Степняки – не рыцари. Они стреляют в спину без зазрения совести. Для них важна победа любой ценой!.. Нужно вести себя соответственно.

На его лицо набежала тень.

– Нет, сын мой. Я понимаю твое беспокойство, сам отвечаю за своих людей и беспокоюсь за их безопасность. Однако мы не можем брать на вооружение грязные приемы войны... На кону нечто выше, чем жизни. Это нечто и позволяет побеждать благородным людям, а не подлым. Хотя у тех вроде бы возможностей во всем больше.

Я вздохнул.

– Это стратегическая правда, а вот по мелочам и в тактике подлые и бесчестные люди обычно побеждают. Ладно, укреп-

пим свой дух и с именем Господа очистим эти земли!

Он перекрестился.

– С именем Господа.

– С нами Бог, – сказал я, – кто же против нас?

Оруженосцы молча подливали нам в кубки, пока я не остановил жестом. Герцог прислушался к шуму по ту сторону полотняного полога, спросил оруженосца:

– Что там случилось?

Тот моментально исчез, а через минуту вернулся и доложил:

– Там ловят собак лорда Корнуфроста. Все пятеро его боевых догов порвали цепи и убежали, когда собачка сэра Ричарда посмотрела на них как-то особенно и облизнулась...

Герцог в недоумении посмотрел на меня, я сказал недовольно:

– Вот шельма прожорливая, все-таки увязался за мной! Я думал, спит. Ладно, сейчас я его приструню.

– Не стоит, – посоветовал он мирно. – Там сами справятся. Лучше расскажи, что случилось за то время, когда я отправился с выкупом через Перевал?

Я замер на мгновение, за это время для меня случилось столько, что даже не знаю, с чего начать, или же ограничиться простым перечислением событий и титулов, что нахватал за это время.

– Хорошо, – согласился я, – только еще один вопрос, как там Родриго? Мне показалось, что он заметно подрос...

– И сильно повзрослел, – подхватил герцог, когда я сделал намеренную паузу. – Уже на коне носится, учится метать дротики на скаку. Элинор переживает, но я приставил к нему лучших воинов, они не позволят ему пораниться и в то же время воспитывают как мужчину...

– Рад, – сказал я и ощутил, что в самом деле очень рад, это же и мой братишка здесь. – Хорошо, слушайте мои приключения.

Глава 10

Сэр Норберт с разведчиками увязался сопровождать меня даже при осмотре войска. Я морщился, но помалкивал. В их глазах столько веры в меня и преданности, что я внутренне ежился и с непониманием осматривал себя: что, в самом деле настолько много стою?

Шатры военачальников выделяются размерами и высотой поднятого на шесте знамени, вокруг группируются шатры лордов, а простые рыцари вперемешку с рядовыми воинами расположились у костров, и только один воинский отряд на чисто лишен шатров и даже палаток, только костры и охрана по периметру.

Сэр Норберт пояснил вполголоса:

– Весьма могучий с виду рыцарь из Вестготии...

Сэр Палант сказал живо:

– И не только с виду! В первой же схватке он лично сразил семерых варваров, а ему даже не поцарапали кирасу. Этот сэр Вильярд силен, как стадо быков.

Норберт кивнул.

– Согласен, он поразил всех отвагой, мужеством и силой. Сэр Ричард, что скажете?

– Да, – ответил я. – Я поговорю с ним. Ждите здесь.

Он спросил с беспокойством:

– Но не будет ли урона вашей чести...

– Не будет, – заверил я. – Мы с ним... знакомы. Весьма. И у нас весьма сложные отношения.

Они послушно придержали коней, я послал Зайчика в галоп. За Вильярдом, как уже вижу, десятка три рыцарей, а еще у костров расположились в ожидании выступления не меньше сотни тяжеловооруженных всадников. У всех тяжелые боевые топоры, мечи, а из-за спины выглядывают луки, а то и арбалеты.

Вильярд поднялся навстречу, громадный, широкоплечий и собранный настолько, что выглядит литым из цельного куска великолепной стали. Доспехи укрывают от горла и до пальцев ног, только шлем остался лежать на земле.

Я еще издали вскинул руку в приветствии.

– Сэр Вильярд! Скажу честно, очень рад видеть вас здесь!

Он смотрел холодно, не ответил «еще бы», как говорит весь его вид, просто не сводил с меня взгляда, а когда я остановил коня, медленно поклонился.

– Ваша светлость...

Я соскочил на землю, так учтивее, иначе выгляжу разговаривающим свысока, как бы доброжелательно ни звучал мой голос.

– Сэр Вильярд, – ответил я тем же церемонным тоном, но тут же позволил себе улыбнуться и спросить в великом удивлении: – Это ваш отряд?

– Да, ваша светлость.

Я покрутил головой в изумлении.

– Как?.. Откуда?

Он смотрел на меня со смесью враждебности и почтительности.

– Половина рыцарей, – произнес он с холодной учтивостью, – из Вестготии, остальные – местные. Так уж получилось.

Я кивнул, быстро соображая, что все знатные лорды пришли со своими вассалами, но существуют и самостоятельные хозяева, которые не являются ничьими вассалами. У них обычно небольшие надель и скромные хозяйства, они могут идти на войну, а могут не идти. Если кто решит пойти, может присоединиться к отряду любого лорда. Или даже драться в одиночку под собственным штандартом.

– Понятно, – сказал я, – они сделали хороший выбор. Под вашим руководством сумеют добиться больших побед, чем под, скажем... ладно не будем называть имен!

К тому же, мелькнула мысль, к кому бы ни примкнули, будут выглядеть его подданными, а это ущемляет самолюбие, в то время здесь они как бы на равных, а этот Вильярд не сюзерен, не лорд, а лишь воинский вожак.

Вильярд чуть кивнул, явно стараясь, чтобы это не выглядело как поклон.

– Постараюсь оправдать их доверие.

– Я в этом не сомневаюсь, – заверил я.

– Все будут стараться, – произнес он, и снова я уловил в его сдержанном голосе борьбу уязвленной гордости и жела-

ния не вызвать моего недовольства. — Как и я лично. Ибо за мной не только принцесса, но и эти люди.

Я потрепал по холке Зайчика, он повернулся боком, приглашая меня в седло.

— Желаю побед, — сказал я. — Кстати... принцессу вы где устроили, сэр Вильярд?

Он ответил ровным голосом:

— Она со мной.

Я проговорил с запинкой:

— Это... в каком смысле?

Он указал кивком на две телеги в самом центре их лагеря. Одна из них крытая, лошади выпряжены и пасутся, оглобли сиротливо торчат концами в небо.

— Алонсия там.

— В деревенской телеге? — переспросил я.

— Да. Но она не жалуется.

— С ума сойти, — пробормотал я.

Он сказал тем же ровным голосом:

— У нас здесь ничего нет, сэр Ричард. А на те драгоценности, что были на принцессе, удалось купить только повозку и коней.

Червячок стыда проснулся и шустро начал грызть мои железные внутренности.

— Неловко получилось, — пробормотал я. — Давайте поступим так... Мы, по сути, уже начали захват земель Гандерсгейма. Это вот их территория. Берите ее, скажем, от границы

с Брабантом и до той реки... и вширь с теми же пропорциями. Начинайте обживать. Принцессе не стоит мучиться, таскаясь за войском в деревенской повозке...

Он задумался, на лице отразилось короткое колебание, но тут же покачал головой.

– Нет, это будет урон моей рыцарской чести.

– Подумайте о принцессе, – сказал я.

Он ответил неумолимо:

– Она тоже не примет.

– Уверены?

– Да, – ответил он резко, в голосе прозвучала нотка оскорбленного достоинства за принцессу. – Я должен завоевать право на владение здесь землей! Да и что обо мне подумают мои люди?

Понятно, что подумают, мелькнула мысль. Это в моем срединном сказали бы завистливо, что ловко провернул, без боя выхватил такой лакомый кус, да еще на границе с Брабантом, где все торговые пути, а место и безопасное, и доходное.

– Хорошо, – ответил я с неохотой, – мы постараемся захватить Гандерсгейм побыстрее.

Он коротко усмехнулся.

– Осмелюсь заметить, вы не то говорите... ваша светлость.

Я потер ладонью лоб.

– Да, вы правы. Устал, извините. Боудеррия с принцессой?

– Да.

Я помедлил, вопрос щекотливый, наконец заинтересовался:

– Она как... в своем наряде?

Он покачал головой.

– Здесь не королевский дворец.

Взгляд его говорил, что больше мне здесь делать нечего. Я покосился на его рыцарей, что остались у костров, но чуточку прислушиваются, улыбнулся примирительно и, вскочив в седло, поднял руку.

– Успеха вам, сэра Вильярд!

– Спасибо, ваша светлость.

Я галопом вернулся к отряду, сэра Норберт встретил меня с непроницаемым лицом, но все же обронил негромко:

– Сложные отношения... остались?

– Практически нет, – ответил я. – Уже нет.

Он осведомился:

– Натянута ли из-за женщины?

Я насторожился.

– Почему именно?

– А из-за чего еще, – спросил он, – если девять из десяти стычек именно из-за них? Да и возраст у вас обоих... подходящий.

Он говорил негромко, понимающе, не как с лордом, а как старший по возрасту, повидавший всякое и желающий предостеречь от тех неприятностей, что в свое время... да...

Мое горло на миг перехватили незримые пальцы. Я с тру-

дом передохнул, покачал головой.

– Некоторым приходится взрослеть раньше. Нам с Вильярдом выпало именно такое... счастье.

Он кивнул, в глазах оставалось сдержанное сочувствие.

– Насчет Вильярда не уверен, но вам, да, пришлось, чувствую. И еще придется.

– Сплюньте, – попросил я. – И так душа едва не выпорхнула.

На границе нашего лагеря часовые бодро стукнули концами копий в землю. Норберт остановил коня, лицо чуточку виноватое.

– Ваша светлость, – произнес он, – здесь вас вынужден оставить...

– Скажите, – ответил я, – у вас дел больше, чем у меня.

– Это вряд ли, – ответил он, – но за оценку спасибо!

С ним отправились почти все из его группы, но двое проводили меня до самого шатра, Ришар велел разбить его рядом со своим, только мой вроде бы крупнее и выше, для этого то ли земли подсыпали, то ли вместо боковых жердей вкопали целые деревья.

Передав меня с рук в руки охране, норбертовцы развернули коней и галопом унеслись вслед за своим командиром.

Внутри шатра никакой роскоши, Ришар знает мои вкусы, зато широкий стол, на нем большая карта, вокруг стола и даже под стенами множество крепко сколоченных кресел и две лавки, узкое ложе с цветистым покрывалом. Еще доба-

вочный стол, на котором в готовности около дюжины кубков и чаш, а под ним три пузатых кувшина.

– Неплохо, – пробормотал я. – Быстро здесь... Что-что, а воинское ремесло в нашей жизни налажено лучше всего.

Полог откинулся, появилась голова оруженосца.

– Ваша светлость, – взмолился он, – мы не расслышали!

– А вы не подслушивайте, – сказал я назидательно. – Это нехорошо! Марш от шатра, морды. Когда понадобится, я так гаркну, что мертвый проснется!

– Ваша светлость, – пробормотал он, исчез, я услышал по ту сторону быстро удаляющиеся шаги.

Древние говаривали, что трудно прокормить одного бездельного человека, еще труднее прокормить целое семейство, но труднее всего содержать войско, проводящее время в праздности. А еще если в ближайшие дни вся эта огромная масса вооруженных людей не столкнется с сильным противником, начнутся стычки особо спесивых друг с другом, с конкурирующими отрядами, начнется выяснение, кто круче: армландцы, сен-маринцы, брабандцы, ундерлендцы, вестготцы или даже отдельные группы внутри отрядов...

Еще надо помнить, что в обозе вместе с войском двигается немалое число священников и магов, последних я переqualificировал в механиков. И хотя те и другие, во избежание, делают вид, что не замечают друг друга, но я все-таки велел держать их на разных концах обоза. Правда, с началом боевых действий священники будут стремиться перебраться

в передние отряды, все обучены врачевать, кто молитвой, а кто всего лишь травами и мазями.

Я взял лук Арианта, любовно протер, хотя он никогда не собирает пыли, но, думаю, и луку приятно, когда его гладят и чешут. Не забыть и про такой пропагандистский жест, часто воспеваемый бардами: прямо на поле боя кого-то из простых воинов возвести в рыцари, об этом заговорят, многих подстегнет...

Полог откинулся, в шатер просунулась голова начальника стражи.

– Ваша светлость, к вам... гость. Гостья.

Я сказал рассеянно:

– Пропусти.

Он исчез, а через пару секунд в шатер вошла сверкающая статуя из блестящего металла, высокая, широкая в плечах и узкая в поясе, только шлем с перьями красиво покоится на сгибе руки. На меня без всякого выражения взглянули холодные светло-голубые, почти серые глаза, нос высокомерно вздернут, губы плотно сжаты, волосы туго убраны в пучок на затылке.

– Ваша светлость, – произнесла она так, словно заговорила усыпанная снегом гора, – я прослышала о вашем беспокойстве. Дескать, могу опозорить ваше мужское войско непотребным здесь женским обликом...

Я шагнул вперед, но обнять не решился, вдруг да в морду даст, сказал с искренним покаянием:

– Боудеррия, ну ты чего?... Это тебе Вильярд наябедничал?

– Неважно кто.

– Неважно, – согласился я быстро, – ты права. Насчет облика... Я уже понял, ты сделаешь все, как надо. Доспехи просто чудо!

Она ответила так же ровно:

– Принцесса продала все драгоценности. Я у нее в долгу.

Я указал на самое лучшее с виду кресло.

– Сядь, давай поговорим. Не о тебе, не дергайся! О Вильярде и принцессе. С ними общаться трудно, ты же знаешь.

– Знаю, – ответила она.

– Садись, садись! Ты у нас вроде буферной зоны.

– Буферной?

– Да, – сказал я и невольно посмотрел на то место, где под панцирем укрыта ее высокая грудь, – это для смягчения столкновения... Да садись же!

Она неохотно и с некоторым недоверием села, я проследил, как сгибаются ноги в коленях, вроде бы легко, чувствуется добавочная подгонка доспехов по фигуре. Вообще они вроде бы легче обычных, что и понятно, для Боудеррии важнее прикрыть обнаженные части тела от мужских взоров, чем получить добавочную защиту.

Я опустил за табуретку рядом, стол не между нами, а сбоку, быстро наполнил кубки хорошим вином, один подал Боудеррии.

– Давай... за будущее.

Она взяла кубок, светлые глаза смотрят строго и вопрошающе, лишь на краткий миг почудилось, что в самой глубине мелькнуло что-то похожее на смущение.

– За будущее Алонсии, – произнесла она. – За Вильярда.

– За тебя, – сказал я честно.

Она не сводила с меня взгляда, теперь уже совершенно непроницаемого, медленно кивнула.

– И за вашу светлость.

Я поморщился.

– Боудеррия, брось... Мои друзья обращаются ко мне по имени. По крайней мере, в неофициальной обстановке.

– Сэр Ричард...

– Можешь просто «Ричард», – сказал я. – Пусть мои рыцари догадываются и завидуют... Я смотрю, ты в доспехах, это хорошо, извини за трюизмы. Но, надеюсь, ты мудро ограничишься ролью телохранителя Алонсии.

Она осведомилась:

– Что вы имеете в виду, ваша светлость?

– Ричард, – напомнил я.

Она сказала с неохотой:

– Сэр Ричард.

– Останешься возле принцессы, – объяснил я. – Никакого участия в боях! Знаю, тебя ничего не страшит, но если прибьют... Алонсия изойдет слезами.

– Не прибьют, – заявила она.

– Война, – напомнил я, – не серия поединков. Пора де-

решься с одним, трое ударят в спину, это нормально.

Она спросила высокомерно:

– Рыцари бьют в спину?

– На одного рыцаря, – напомнил я, – десять тяжеловооруженных конных, двадцать пеших, пятнадцать копьеносцев и столько же лучников. Все бьют в спину и, скажу честно, правильно делают. Степняки же бьют? Это война, а не красивая рыцарская игра с поклонами и расшаркиваниями. Потому мне хотелось бы тебя сберечь. Ты у нас уникальная. Потому не приказываю, ты же с норовом, а прошу по-людски, а то и по-человечески заниматься только своим делом: телохранить принцессу.

Она поморщилась.

– Алонсия говорит, она уже не принцесса. А главное, она оказывается в середине хорошо охраняемого обоза. От кого спасать?

– От нескромных взглядов, – предположил я.

– Как?

– Бить в морду всех, кто подойдет слишком близко.

Она поморщилась.

– Алонсия сама почти не выходит из повозки. Это она отпустила... даже велела идти к вам.

– К тебе, – поправил я.

Она выговорила с трудом, словно глотала огромную упирающуюся жабу:

– К тебе... сэръ Ричард. Нет, не могу! Все-таки к вам.

Я поморщился.

– Ну, если совсем уже не можешь. Понимаешь, если решишь участвовать в боях, мне придется ради Алонсии и... вообще, стать телохранителем при тебе. А это не совсем... уместно. Я должен хранить державу, а не твои прелести.

Она сделала вид, что не заметила мой мужской взгляд, лицо стало еще суровее.

– Сэр Ричард, я слышала, вы считаетесь со своими вассалами.

– А ты мой вассал? – спросил я с интересом.

Она ответила нехотя:

– Куда деваться...

Я ощутил себя виноватым, хотя и не понимаю, с чего вдруг, но женщины это умеют, даже вот такие.

– Боудеррия... если ты слишком уж упираешься, то я могу тебе разрешить участвовать в боях. Как ты и сказала, куда денусь. Но только под моим присмотром! И только тогда, когда сам ввяжусь во что-то непотребное.

Ее глаза сразу заблестели, а на щеках вспыхнул румянец.

– Спасибо!

– Это не будет так часто, – предупредил я, – как ты надеешься. Я человек осторожный и нерисковый. К тому же стратег, а не искатель приключений.

– Я знаю, – ответила она. – Вы избегаете приключений, я слышала. Но слышала еще, что они вас не избегают! Еще как не избегают... Кстати, а вы сами не хотите навестить прин-

цессу Алонсию?

Я в испуге потряс головой.

– Ни за что!

– Почему?

– Ну, что за вопрос?.. – спросил я. – Вильярд прибьет. Он ревнив, как тысяча мавров.

Она скептически поморщилась.

– Ну да, так я и поверю, что опасаетесь его гнева. У вас как-то была схватка или я что-то перепутала? Я помню, кто одержал верх.

– Он был измучен вашим походом, – возразил я, – держался на последнем дыхании. А я прибыл свеженьким... Да и вообще, зачем мне его дразнить? Он мне присягнул, теперь я о нем обязан заботиться и защищать все его права.

Она смирила меня высокомерным взглядом.

– Вы говорите, как старик.

– Это как?

– Разумно, – сказала она с презрением. – Рассудочно! А где ваше боевое безумие? Звериный порыв? Отважное безрассудство?

Я пробормотал:

– Да как-то выветрилось, когда по голове били. Наверное, по ней стучали чаще, чем по другим местам. Такая у меня голова особенная. Каждому хочется по ней стукнуть.

Она кивнула.

– Да, мне тоже все время хочется. И чем больше смотрю...

Я посмотрел на нее искоса.

– Да ты вроде бы и была... и спину царапала. И даже укусила.

Она фыркнула, отвернувшись и начала смотреть вдаль, но взгляд упирался в стенку шатра.

– Вранье.

– У меня след остался, – пожаловался я. – Хочешь, покажу?

Она вроде бы даже чуть покраснела и поспешно отвернулась.

– Сэр Ричард! Как вы можете?

– Сам удивляюсь, – ответил я. – Только с тобой и получается поговорить, как с человеком. Остальные, которые носят платья – женщины! Всего-навсего. А с тобой просто душа отдыхает.

Она с подозрением спросила:

– Это комплимент или оскорбление?

– Боудеррия, – ответил я с упреком, – ты же видишь, как я неровно к тебе дышу! И вдруг такие подозрения.

– Значит, все-таки оскорбление, – сделала она вывод. – Хорошо, сэр Ричард, до встречи в бою! Посмотрим, каков вы в реальном деле.

И, гордо повернувшись, вышла из шатра. Я покачал головой, все-таки женщины, как бы ни настаивали на своем равенстве, беззастенчиво пользуются своей женскостью. Попробовал бы кто-то из рыцарей вот так повернуться и выйти,

смиренно не испросив моего высочайшего соизволения!

Глава 11

Отряды сэра Норберта ушли далеко вперед, в свою очередь выпустили разьезды по два-три всадника, а вся армия медленно снималась с места и продвигалась в глубь Гандерстейма, еще не встречая ощутимого сопротивления, что меня настораживало, а местами и серьезно тревожило.

Граф Ришар объезжал рыцарские отряды, уже в полных доспехах, только сюрко поверх, спасаясь от жаркого солнца, с ним десяток военачальников, все в белых плащах с огромными красными крестами на спине.

Я встретил их на полдороге, когда быстро промчался по широкому кругу вокруг растянувшихся колонн, высматривал, откуда могут ударить быстро и внезапно.

– Ваша светлость, – сказал Ришар весело, – началось?

– Хорошее начало, – согласился я, – половина дела.

Он оглянулся на внимательно слушающих нас полководцев.

– Скажите что-нибудь, – попросил он, – как вы умеете. Даже у меня, старого зверя, вскипает молодая кровь после ваших речей!

Я развел руками, дескать, что сказать, все идет, как надо, потом выпрямился в седле и оглядел всех орлом.

Военачальники остановили коней и смотрят с ожиданием.

– У нас святое всепобеждающее знамя, – сказал я твер-

до, — на нем незримо горят слова «Сим победиши!», а вы все, конечно, знаете эти знаменитые слова, изменившие ход истории. У варваров же не так опасно знамя, как его древко.

Все заулыбались, Ришар сказал поощряюще:

— Ваша светлость, ваш строгий приказ насчет обязательного закрепления в городах вызывает... гм... разговоры среди доблестных рыцарей. Все-таки большинство надеялись на жаркие схватки в чистом поле...

— Этого хватит с избытком, — заверил я. — Будут жаркие и очень быстрые. Только успевайте. Но чтобы не приходилось отвоевывать захваченные земли снова и снова, везде нужно, увы, ставить крепости. Мы должны лишить варваров возможности носиться по Гандерсгейму везде, где возжелают!

Сэр Арчибальд проговорил, морща аристократический нос:

— Такое осторожное продвижение... как-то не походит на ваше стремительное вторжение в Сен-Мари!

— Каждому противнику, — сказал я, — своя тактика.

— А вас не беспокоит, — поинтересовался он со всей почтительностью, но с долей ехидцы, — что варвары сочтут ваши поступки недостаточно... мужественными?

Я пожал плечами.

— Я еще не встречал kota, которого заботило бы, что о нем говорят мыши.

Ришар приподнялся в седле и оглядел всех веселыми и дерзкими глазами.

– Все слышали? – прогремел он сильным голосом верховного полководца. – Никакого особого рыцарства по отношению к варварам! Вы коты, а они – мыши!

Я молча позавидовал, как мгновенно он воспламенил всех, судя по их лицам, и как мигом, как говорится, перевербовал, заставил переменить отношение к методам ведения войны.

Они орали довольно, били в щиты, вздымали руки, а я спросил тихонько:

– Граф, вы верите, что так будет?

Он вздохнул.

– Нет, конечно. Рыцарство у них в крови. Даже по отношению к драконам и то, бывало, делали такие жесты... Просто надеюсь, что удержат рыцарство в каких-то рамках. Не люблю терять героев из-за чрезмерного благородства.

– На следующем привале, – сказал я, – проведем еще раз сверку планов. А пока опасайтесь прежде всего внезапных набегов.

Он поморщился.

– Сэр Ричард! Вы так часто предупреждаете о такой мелочи, что просто оскорбительно для нашего крестоносного братства. Неужели внезапный набег что-то изменит? А приближение большого войска люди сэра Норберта обязательно заметят издали.

Утром мы прошли земли карликового королевства Кро-

менлехи, уж и не знаю, какое племя владеет этими землями, потом миновали такое же мелкое королевство Ятгалды.

Мы двигались плотной конной группой, военачальники, полководцы, а также наиболее знатные из рыцарей, тут уж ничего не поделаешь, эту привилегию у них отнять я даже не пытался. Достаточно и того, что не берутся вести войну каждый своим отрядом самостоятельно.

Вокруг нас на расстоянии усилиями барона Норберта двигаются, не приближаясь и не отдаляясь, конные отряды телохранителей, наиболее крепкие и умелые из простых воинов.

Граф Ришар красиво восседает на рослом жеребце, он на полкорпуса впереди, красивый в блестящих латах, сейчас, правда, почти целиком скрытых белым плащом с огромным красным крестом на спине.

– Захваченные сообщили, – сказал он довольно, – а наши разведчики подтвердили, что мы в пределах довольно крупного и богатого королевства Белые Гарпии! Ну и название, надо сказать... Вот тот город, видите, и есть стольный град... а также все королевство. Видите вон те три деревни? Это все подданные...

– Не считая горожан, – вставил Альвар Зольмс.

– Не считая горожан, – согласился Ришар. – Сэр Ричард, что с ними делать будем?

Я подумал, сказал медленно:

– Дорогой граф... насколько я помню, королевство Белые Гарпии... правит им великий король Вандерлит. Чем вели-

кий, никто объяснить не может, а у него лучше не спрашивать из свойственной нам деликатности и христианской щепетильности. У него два сына, но оба давно выросли и куда-то выданы замуж... или, точнее, зажен. Чуть дальше королевство Гардекс с королем Узиландом.

– Тоже великим? – спросил граф с усмешкой.

Рыцари засмеялись, я кивнул.

– Ну, тут все великие, привыкайте. Чем мельче, тем... Дальше, если по прямой, королевство Поющих Деревьев... Ага, левее от Гардекса – королевство Бретокс, там самая качественная и низко залегающая руда во всем Гандерсгейме, однако плавильные мастерские самые лучшие и дешевые – в Йеремланде. Над ними нужно поскорее установить связь, а то вдруг Вики все-таки выдадут замуж, и расклад сил резко поменяется...

Альвар Зольмс воскликнул с великим удивлением.

– Сэр Ричард, откуда вы все это знаете?

Я ответил с должной надменностью:

– Разве это не мое маркграфство? И не мои люди? Пусть даже пока об этом не знают... В общем, от Гардекса правее Бурландия, это королевство может оказаться на нашей стороне. Ему покровительствовал ярл Растенгерк, сейчас, правда, женатый на Мириам Сероглазой, дочери короля Франсуа Меченого, королевства Меркель... Можно надеяться, что Меркель и Бурландия не окажут нам сопротивления...

Альвар поинтересовался тихонько:

– А кто такая Вики?

Я отмахнулся.

– Местная принцесса. В Гандерсгейме сто семьдесят королевств, так что можете представить себе, сколько здесь принцесс!

Все кивали, улыбались снисходительно, только Альвар помолчал, присматриваясь ко мне, и спросил тихонько:

– Но принцесса Вики чем-то особенная?

Я спросил удивленно:

– С чего вы это взяли?

– Да что, – ответил он, – у вас на лицо тень набежала... И вздохнули. Чуть-чуть, но правитель должен лучше следить за своей мимикой.

Я помолчал, теперь и другие смотрели на меня с ожиданием, а он коварно улыбался.

– Это чистая и светлая девушка, – выговорил я наконец. – Я не встречал более наивной, доверчивой и преданной... Но, видит бог, я не могу жениться на всех прекрасных женщинах мира... хотя, конечно, хотел бы, сознаюсь. Господь посылает нам и такие испытания, а не только сражения с драконами и битвы с варварами! Но с теми ясно, а вот с женщинами... проходишь это испытание и не знаешь, правильно ли прошел...

Их лица медленно темнели, серьезнели, в глазах у кого сочувствие, у кого сопереживание, а у многих печаль, словно еще раньше меня прошли через такое и не уверены, что

прошли правильно.

Наконец Христоф Вильгельм Гуфеланд, младший сын графа Фридриха Новоплесского, чьи владения входят в герцогство Вельденское, то есть мое, расхохотался звонко и весело.

На него посмотрели с удивлением, он поерзал в седле и спросил приподнятым голосом:

– А это королевство Меркель... далеко?

Он явно старался столкнуть всех с минорной колеи, я ответил уже деловым тоном:

– Насколько помню, от некой точки... гм... до Меркеля было восемнадцать королевств... а если считать отсюда, то не меньше двадцати пяти, если по прямой. Это гигантское королевство: три города и восемнадцать сел...

Он бодро хохотнул.

– Ого! В самом деле. Чур, мое!.. Я как раз и хотел себе именно такое. Чтoб три города и восемнадцать сел.

Я грозно нахмурил брови.

– Сэр Христоф, – сказал я резко. – Вы мне принесли клятву верности в Вестготии, как сюзерену, но почему решили, что здесь я никто? Вам что, нужно напоминать, у кого в руках меч власти?

Рыцари утихли, а сэр Христоф побледнел, развел руками, торопливо проямлил:

– Сэр Ричард... ваша светлость... это же только шутка... пусть неуместная, но я же ни в коей мере не посягаю на ваше

право раздавать трофеи самолично...

Я выждал, обводя всех карающим взором, все потупили головы, наконец я сказал резко:

– Дабы никто отныне не забывал об этом, повелеваю! Земли королевства Меркель никому не будут переданы!.. Там останется тот правитель, что правит сейчас. Пусть это будет предостережением тем, кто берется распоряжаться захваченным.

Дальше ехали некоторое время молча, испуганные моей вспышкой вельможного гнева, хотя я просто имитировал ее в интересах дела. Сэр Христоф довольно удачно для меня сглупил, я воспользовался его промахом, чтобы отмазать королевство Меркель от захвата и раздела победителями. Конечно, независимым ему быть недолго, быстро запрягу в общую экономику, но хотя бы избегнет обязательного разграбления.

Еще надо будет вывести из-под удара пару королевств, что уже на стороне великого и ужасного Ричарда, а еще обязательно связаться с племенем Растергерка. Приходится напоминать себе, что Гандерсгейм – не страна, и заселяет его не нация или народ, а множество варварских племен, у которых нет понятий единства на основе общности нации, веры или чего-то еще. И которых сосед обычно намного сильнее раздражает, чем пришедшие чужаки.

Рыцари потихоньку начали переговариваться, Ришар оглянулся на них, пустил коня рядом с моим Зайчиком.

– Что-то варвары ведут себя как-то странно, – сказал он обеспокоенно. – Ни одного крупного сражения!.. Мелкие стычки не в счет, я просто не нахожу себе места.

– Боитесь, затевают что-то?

Он кивнул.

– Да. Такое впечатление, что у них что-то в запасе. Ужасное для нас. А что думаете вы?

Я постарался изобразить полное спокойствие.

– Граф, они же видят нашу силу! Всем заметно, что теперь нас вдвое больше, чем было тогда, когда их разбили и выгнали из Сен-Мари.

Он кивнул, соглашаясь, но лицо оставалось хмурым. Я улыбался, но самому поведение варваров кажется неестественным. Вместо того, чтобы дать решительный отпор, отступают, как будто заманивают в глубины Гандерсгейма, где нас р-р-р-раз! – сожрет нечто огромное и настолько могучее, что и не хрюкнем.

– А наши силы тают, – заметил он. – Нехорошо.

– Что так? – спросил я. – Сражений вроде не было?

– А гарнизоны? – напомнил он. – Я и так оставляю самых, так сказать, малодеееспособных. Но у нас, как назло, все рвутся сразиться с дикими людьми, упрочить веру Христа!

– Давайте какие-то льготы, – посоветовал я.

Он поморщился.

– Да и так всем сказал, что остаются хозяевами. Справедливыми и милостивыми... но все-таки хозяевами! Только

так и удастся набирать добровольцев.

Глава 12

Войско остановилось на привал, выбрав защищенное со всех сторон место. Часть рыцарей отправилась поглазеть на королевство Поющих Песков, оно расположено рядом и занимает земли чуть больше, чем наш лагерь, в головах других уже цветет идея устроить турнир, надо же выяснить, кто лучше владеет копьём и мечом: армландцы, сен-маринцы или вестготцы, кто-то тут же устроился на отдых, а я молча пустил Зайчика вперед.

От стен города несет вонюю жареной рыбы в дешевом оливковом масле, воздух горяч, в лагере редко увидишь блеск стальных доспехов, все укрываются легкими сюрко, а на головах тонкие тканевые накидки, защищающие от солнца.

Люди сэра Норберта перехватили огромное стадо овец, теперь эта блеющая резкими гортанными голосами масса вливается на просторы лагеря, какая-то странная порода, черная с блестящим отливом, их весело расхватывают по одному, тут же режут и разделявают у костров.

Я выехал за пределы, за спиной послышался drobный стук копыт, я думал, что усердствуют телохранители, но те держатся в отдалении, а догнал меня всегда веселый и жизнерадостный барон Витерлих, под ним даже конь веселый и жизнерадостный, сразу начал скалить зубы Зайчику, фыркать и

строить конские рожи.

– Сэр Ричард, – сказал Витерлих с живостью, – я не успел рассказать и половины ваших приключений в Ундерлендах, а меня уже подняли на смех!..

– Неужели обидно? – удивился я.

– Еще как, – сказал он сердито. – Когда вру – верят, а тут чистую правду...

– Значит, – сообщил я, – мир не созрел. Как вам здесь?

– Бесподобно, – заявил он. – Я в диком восторге! Столько благородного рыцарства, столько величавых мужей, чьи речи и поступки достойны подражания!.. И какая великая цель перед нашим доблестным воинством!

Я подумал, знает ли он, какая у нас цель, сказал с пафосом:

– Мы объявили войну хижинам, чтобы застроить Гайдерстейм дворцами!

Он воскликнул с восторгом:

– Именно!.. О, здесь будет прекрасный край!.. Как только очистим от грязных дикарей, поклоняющихся идолам...

Я не успел ответить, снова со спины стук копыт, телохранители было качнулись в нашу спину, но тут же остановили коней, признав в сверкающем металлом всаднике Боудеррию, что пользуется, как уже знают, моим полным доверием.

Она остановила коня с другой стороны от меня, сердито зыркнула на Виттерлиха, но тот заулыбался радостно и начал с нею раскланиваться с такой предельной любезностью, что

она засопела и насупилась, подозревая насмешку.

– Сэр Ричард, – обратилась она надменно и требовательно, – прошло уже несколько дней, как я вынуждена таскать на себе это железо, но за все время так ни разу не обнажила меч! Вы меня обманули.

Витерлих закрыл рот и смотрел на нее со странной смесью восторга и отвращения.

– Боудеррия, – сказал я миролюбиво, – но ведь сражений еще не было. Сама все видишь, при чем тут я?

– А куда вы отлучались? – спросила она с подозрением. – Не поверю, что ни разу ни с кем...

Я хотел сразу помотать головой, потом мелькнуло разбитое лицо чернобородого, но решил, что это не в счет, все-таки помотал головой, но зоркая Боудеррия сказала резко:

– Врете, я все вижу!

– Боудеррия, – сказал я с упреком, – ты женщина, даже дама... можно сказать... гм... леди, а такие грубые слова знаешь.

Витерлих кивнул и тоже начал смотреть на нее с упреком.

– Я еще и не такие знаю, – пригрозила она. – Вот что, я еду с вами!

– Да мы никуда не едем, – сообщил я. – Просто в лагере... запахи, а мой утонченный изнеженный аристократический нос не выносит такие ароматы в большом количестве.

Она посмотрела с удивлением.

– Это у вас утонченный?.. ладно, умолчу, раз я, оказыва-

ется, дама.

– Даже леди, – подсказал сэр Витерлих с упреком.

Он одарила его таким холодным взглядом, что у него улыбка примерзла к губам, а потом уголки ее потекли, как сосульки в жару.

– Мы просто объезжаем лагерь, – сказал я. – Если хотите, присоединяйтесь. Но только о вас будут думать, что вы здесь ради меня или сэра Витерлиха.

Она вскинулась, гордо выпрямила спину.

– Что-о?

– А разве нам не нужно стараться понравиться? – спросил я.

Она натянула повод, я думал, что сейчас развернет коня и ускочет к лагерю, и сэр Витерлих, похоже, ждал того же самого. Боудеррия посопела, как разъяренный дракон, только что пламя не вылетает из пасти, сказала надменно:

– Боюсь, без меня вас и муравьи утащат! А я – телохранительница.

Витерлих тяжело вздохнул, лицо стало печальным, даже конь под ним опустил голову и шел так торжественно, будто везет гроб с останками короля.

Я сказал, желая подбодрить Витерлиха:

– У каждого человека есть два мотива, истинный и тот, который хорошо выглядит. Лишь только наше крестоносное войско движимо одним благородным мотивом, одной целью и одним желанием! И как хорошо, что в войне не бывает вто-

рого приза для проигравших. Гандерсгейм весь наш по праву!

– У нас справедливая война, – сказал он с подъемом.

– Есть справедливые войны, – согласился я, – и хотя нет справедливых войск, однако в целом мы справедливы, гуманны, прогрессивны, миролюбивы. Целью любой войны является мир, а в нашем случае – вечный мир!

– А варварам, – добавил Витерлих злорадно, – вечный покой. Ненавижу этих тупых, грязных и злобных дикарей! Война тем лучше, чем больше вреда она им причиняет!

Телохранители постепенно отставали, только двое продолжали держаться справа и слева на почтительном расстоянии. Витерлих продолжал изощряться в ругательствах насчет диких варваров, не понимающих благородные законы войны, из-за чего должны исчезнуть с лица земли быстро и безжалостно.

Мы проехали небольшую рощу, с той стороны донеслись яростные крики, конское ржанье и лязг металла. Боудеррия насторожилась, быстро повернулась в ту сторону.

– Там бой!

Сэр Витерлих сказал озабоченно:

– Наших там точно нет...

Боудеррия красиво и страшно выхватила из-за спины оба меча, выпрямилась, гордая и великолепная в гневе.

– А если кому-то нужна помощь?

Конь под ней не скакнул даже, а его будто швырнули пин-

ком в ту сторону. Сэр Витерлих вскрикнул горестно:

– И как после этого быть рыцарем?

Мы догнали ее, я опередил и выскочил на опушку, где прямо на дороге сражаются два десятка полуголых и абсолютно одинаковых варваров: все рослые, загорелые, обнаженные до поясов, топоры и мечи блестят, разбрасывая солнце, сталкиваются со зловещим звоном и лязгом.

Я крикнул:

– Красные пояса!.. Напали на серьгоносцев!.. Бей краснопоясных!

Сэр Витерлих лишь хлопнул глазами от такого неожиданного приказа, но моментально сориентировался и ринулся в схватку с диким воплем и поднятым мечом.

Еще раньше подоспели оба телохранителя, умело прикрыли меня щитами с боков и сзади, ошетинились мечами, оба рослые жилистые гиганты.

Варвары остервенело дрались между собой, сэр Витерлих двумя ударами рыцарского меча срубил двоих краснопоясных, лишь тогда его заметили и бросились на него. Я наносил удары быстрые, стараясь, чтобы серьгоносцы успели понять, что я на их стороне.

Боудеррия вертелась, как бешеный вихрь, что сносит крыши и переворачивает груженные телеги, ее мечи рассекали плоть с такой легкостью, словно те были слеплены из тумана.

Я наконец заорал:

– Бей мергелей!.. Бей мергелей!

Один с поднятым мечом, что уже бросился на сэра Витерлиха, заколебался и отступил, зыркая в нашу сторону злобно и недоверчиво. Один из мергелей метнул в него нож, я успел заметить движение вовремя и быстро выбросил руку с мечом в сторону.

Нож с силой ударился о лезвие, оно плашмя шлепнуло варвара по лицу. Он отшатнулся, посмотрел на меня зло, но все же сообразил, что я ему спас шкуру, заорал своим, и мы уже все вместе ударили на мергелей с новой силой.

Те не дрогнули, отбивались яростно и умело, до последнего вздоха. Я опустил меч, когда последние пали на землю и, вытерев от крови, демонстративно сунул в ножны.

Варвары все еще с оружием в руках смотрели в нашу сторону с недоумением и враждебностью. Я улыбнулся широко и сказал с предельным дружелюбием:

– Мы не враги!.. Но мергели – враги. Закон Степи и Великого Морского Коня – нерушим, не так ли? Как эта земля, как эти горы, как это небо!.. Отважные люди пришли на эту землю как кочевой народ, но мергели собирались сменить гордый быт на жизнь презренных глиноедов, как не стыдно? Как только земля их носит, допустивших такой позор на кости их предков?..

Все раскрыли рты, как варвары, так и сэр Витерлих с Бодеррией. Я сказал громко:

– Если вы верны духу Священного Морского Коня, если в ваших одурманенных душах еще жива честь и доблесть ко-

чевников, романтиков и бунтарей – вы поймете наш порыв поддержать вас в вашей схватке. А теперь прощайте, мы возвращаемся к своему войску.

Я повернул коня, Боудеррия и сэр Витерлих, сопровождаемые телохранителями, обалдело сделали то же самое. Мы выехали на дорогу и пустили коней рысью, Боудеррия сделала каменное лицо, ее ничем не удивишь, написано на нем крупными буквами, а сэр Витерлих сразу же спросил горячим шепотом, словно нас может услышать еще кто-то из противников:

– Сэр Ричард, о чем вы говорили?

– О конституционных основах строя, – ответил я. – Правда, он называется здесь иначе, но...

– Что за мергели? – потребовал он. – Что это вообще было?

Я беспечно пожал плечами.

– А я откуда знаю? Да и важно ли это?.. Жизнь идет, сэр Витерлих. Красные муравьи дерутся с черными, черные с желтыми, желтые – со всеми... И рыжий о черный ударился щит, ни вздоха, ни стоны – война шелестит! И рыжее войско, и черная рать, и рыжие черных спешат dokonать... Жить нужно красиво! Ну подрались мергели с каким-то племенем. Мергели – это довольно могучее объединение, что оказалось на опасном распутье... и чуть-чуть было не сделало правильный шаг. Но я ему это не позволил. А красные пояса – знак элитных воинов в их племени.

Боудерия заметила с интересом:

– Так это были элитные?

– Не похоже? – спросил сэр Витерлих.

Телохранители на этот раз едут к нам близко, второй раз такой оплошности не допустят, чтобы опекаемые первыми вступили в бой.

Боудерия фыркнула:

– Мне они такими не показались.

Я свое мнение сказать не успел, за нашими спинами слышался частый стук копыт. Пятеро варваров догоняют нас во весь опор. Телохранители, а за ними и Боудерия с сэром Витерлихом сразу же подали коней в стороны, вытащили мечи и развернулись навстречу.

Я тоже повернул коня и ждал, держа руку вблизи рукояти меча. Варвары начали придерживать коней, передний вскинул обе руки, показывая, что меч и топор на седле.

Я выехал навстречу. Он отвесил сдержанный поклон и сказал твердым голосом:

– Мы сражались храбро, но мергелей было втрое больше. Без вашей помощи победа досталась бы им.

Я ответил сдержанно:

– Не стоит даже упоминать о таких пустяках. Мужчины помогли мужчинам, только и всего.

Он покачал головой.

– Да, но вон тот... что с красными перьями на шлеме, спас мне жизнь, когда на меня набросились трое. Я буду опозо-

рен, если не отплачу ему тем же...

Я покачал головой.

– Спаси жизнь кому-то из друзей, и мы будем в расчете.

Он повысил голос:

– Нет! Моя честь не позволяет такую уловку. Я, сотник отряда серьгоносцев Степак Кривой Рог, пойду за ним и спасу ему жизнь...

Сэр Витерлих ерзал в седле, поглядывал на меня то сердито, то беспомощно, Боудеррия нагло улыбалась, наслаждаясь ситуацией.

Я с самым серьезным и торжественным лицом сказал возвышенно:

– Честь и благородство превыше расчета, ума, мудрости и даже рассудка. Потому я от имени смущенного и донельзя растроганного сэра Витерлиха, у которого даже слов не находится, чтобы выразить охватившие его чуйства, принимаю ваш обет и скрепляю его своим словом Ричарда Длинные Руки.

Варвары насторожились, их очень серьезные лица обратились в мою сторону.

Степак Кривой Рог спросил осторожно:

– Перед нами великий вождь Ричард Повелитель Драконов?

Боудеррия едва слышно вздохнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.